

В. 4 (2Р-4ТМЛ)
МЗ4

303

OKP

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ
ЦЕНТРАЛЬНО-ПРОМЫШЛЕННОЙ ОБЛАСТИ

**МАТЕРИАЛЫ
К ДОИСТОРИИ
ЦЕНТРАЛЬНО-ПРОМЫШЛЕННОЙ
ОБЛАСТИ**

1-е Совещание Палеоэтнологов
Центрально - Промышленной Об-
ласти, 27—29 мая 1926 года.

Под редакцией
Б. С. ЖУКОВА и О. Н. БАДЕРА.

МОСКВА—1927

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ
ЦЕНТРАЛЬНО-ПРОМЫШЛЕННОЙ ОБЛАСТИ

63,4 (2Р-4ТУЛ)

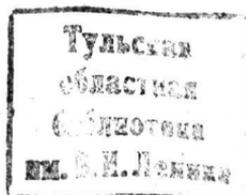
~~492.6 (С132)~~

М34

МАТЕРИАЛЫ К ДОИСТОРИИ ЦЕНТРАЛЬНО-ПРОМЫШЛЕННОЙ ОБЛАСТИ

1-е Собрание Палеонтологов Центрально-Промышленной Области, созванное Государственным Музеем Центрально-Промышленной Области 27-29 мая 1926 года.

Под редакцией
Б. С. ЖУКОВА и О. Н. БАДЕРА

МОСКВА
1927

*Напечатано по распоряжению Государ-
ственного Музея Центрально-Промыш-
ленной Области.*

Директор Музея Вл. Богданов.

Москва

8 мая 1927 г.

От Государственного музея Центрально-Промышленной области.

Первое палеоэтнологическое Собрание по Ц.-П. О. состоялось в Москве с 27 по 29 мая 1926 года. Оно было созвано по инициативе Государственного Музея Центрально-Промышленной Области и имело своей целью как взаимную информацию музейных работников и краеведов о результатах той исследовательской полевой и музейной работы, которая осуществлялась в последние годы в различных районах Области учреждениями, обществами и отдельными работниками центров и периферии, так и постановку некоторых основных методологических проблем изучения. В порядке предварительного обсуждения это Собрание, явившееся первым в Р.С.Ф.С.Р. специальным собранием по доистории за послевоенные годы, затронуло вместе с тем также и некоторые принципиальные и организационные вопросы, относящиеся к дальнейшему строительству краеведческой научной и музейной работы по палеоэтнологии в Центрально-Промышленной Области.

Как видно из списка участников, на Собрании были представлены местными научными силами значительное большинство губерний Центрально - Промышленной Области (кроме Иваново-Вознесенской), а также смежные губернии Брянская и Смоленская. Уже этот горячий отклик, который встретила инициатива созыва собрания среди краеведов и музейных работников области, а также и тот живой интерес к Собранию, который выявился в процессе работ последнего и который отражен в издаваемых протоколах заседаний, показывают, насколько эта инициатива была своевременной и насколько издание настоящих „Материалов“, хотя бы в виде авторефератов, устных сообщений и протоколов заседаний, является необходимым.

В „Материалы“ вошли авторефераты почти всех сообщений, сделанных на Собрании, полученные редакцией до 8-го мая 1927 г. В виду того, что эти авторефераты составлялись в течение первых месяцев 1927 года, в некоторые из них вошли сведения, относящиеся ко времени, протекшему после окончания работы Собрания. К глубокому сожалению Редакции, те из сообщений, как например, сообщение А. А. Спицына, которые не могли быть написаны в виде авторефератов к сроку сдачи рукописей в печать, из-за перегруженности докладчиков работой, издаются, по соглашению с докладчиками, в виде кратких протокольных изложений.

Выпуская в свет настоящие „Материалы“ 1-го Палеоэтнологического Сопещания по Центрально-Промышленной Области, Государственный Музей Центрально-Промышленной Области уверен, что идея возобновления областных палеоэтнологических Сопещаний, из которых в 1927 году намечены к созыву Костромское 2-ое Сопещание по Ц.-П. О. и Саратовское, найдет себе дальнейшую преемственность и развитие, содействуя успехам палеоэтнологии и краеведения в нашем Союзе и способствуя расширению и углублению научных изысканий в области великих проблем доистории человечества в широкой современной концепции наук о человеке.

П О В Е С Т К А

1-го Совещания палеоэтнологов Центрально-Промышленной Области в Москве, утвержденная Ученым Советом Государственного Музея Центрально-Промышленной Области.

1. С. П. Григоров — „Палеоэтнологическое совещание по Ц.-П. О. и современные задачи науки о доисторическом человеке“.

2. А. А. Спицын — „Состояние изученности археологических памятников Ц.-П. О. в дореволюционные годы и новейшие работы в этом направлении на местах“.

3. О. Н. Бадер — „О палеоэтнологических обследованиях и составлении районных каталогов памятников“.

4. Б. С. Жуков — „Из новейшей методологии изучения культур стоянок и городищ“.

5. П. П. Ефименко — „Об изучении финских культур (методы, задачи)“.

6. Б. А. Куфтин — „О методах изучения преемственности погребенных и современных племенных культур“.

7. В. А. Городцов — „Об очередных задачах археологического изучения Центрально-Промышленной Области“.

Доклады о работах.

1. Из новейших работ по Центрально-Промышленной Области Археологического института 1-го М. Г. У. и его сотрудников.

2. Из новейших палеоэтнологических работ Антропологического Института 1-го М. Г. У.

3. Из новейших палеоэтнологических работ Музеев: Костромского, Рязанского, Нижегородского, Калужского, Тульского, Ив.-Вознесенского, Тверского, Ярославского, Владимирского, Смоленского, Ростовского, Муромского, Пер.-Залесского, Чухломского, Воскресенского, Дорогобужского и др.

4. Палеоэтнологические работы Музея Центрально-Промышленной Области.

5. Б. С. Жуков — „Итоги работ совещания и намечающиеся перспективы“.

Доклады С. П. Григорова, П. П. Ефименко и В. А. Городцова не состоялись, равно как и ряд предварительно намеченных информаций. С другой стороны, в повестку дня были включены сообщения, не предусмотренные этой повесткою.

О палеоэтнологических обследованиях и о составлении районных каталогов памятников.

(Автореферат).

В своем кратком докладе я имею в виду поделиться с Сове щанием, хотя-бы в общих чертах, теми соображениями и тем накопившимся за последние годы материалом, которые сложились в результате теоретической и, главным образом, практической проработки вопросов палеоэтнологических обследований и вопросов, связанных с ними, группой палеоэтнологов соответствующей лаборатории Антропологического Института 1-го Московского Государственного Университета.

Обычно различаются лишь два вида полевых палеоэтнологических работ, это 1) разведки и 2) раскопки.

Многообразная сложность вскрытия памятников доистории посредством раскопок, большая ответственность, которая ложится на каждого исследователя, производящего эту работу¹⁾, связанную с разрушением памятника и нередко с невозможностью последующей проверки результатов исследования,—привели, при современной постановке у нас дела охраны палеоэтнологических памятников, к трудности получения соответствующих разрешений или „Открытых Листов“ на право раскопок, выдаваемых Главнаукою Наркомпроса персонально и сравнительно немногим из числа лиц, желающих работать в области палеоэтнологического полевого исследования.

С другой стороны, палеоэтнологические разведки являются делом часто даже неопределенным по своим задачам. Здесь господствует полнейшее отсутствие хотя бы сколько-нибудь установленных задач и методов. Очень часто палеоэтнологическая разведка указывает лишь на местоположение доисторических памятников; в тех же случаях, когда дается более или менее полное описание их, подход к этому описанию всегда индивидуален и чрезвычайно различен.

---

¹⁾ См. следующий автореферат Б. С. Жукова.

В результате далеко не всякая разведка дает ценный для науки материал.

Вполне понятно поэтому, что целый ряд лиц, работающих в области палеоэтнологии и не могущих добиться получения права на ведение раскопок, разведками далеко не всегда удовлетворяется, и тем самым значительная доля исследовательской энергии не находит себе соответствующего применения.

Но дело не только в этой энергии, а главным образом в том интереснейшем и большом научном материале, который может дать наружный осмотр и описание почти всякого палеоэтнологического памятника при более систематическом подходе к делу учета и предварительной характеристики таких памятников.

Исходя из этих положений и идя путем практической полевой работы, мы постепенно установили (и с нашей точки зрения вполне четко) еще один вид полевых палеоэтнологических работ, а именно—палеоэтнологические обследования со своей особой проработанной методикой.

Таким образом, мы различаем три последовательных стадии полевых палеоэтнологических работ: 1) рекогносцировку, 2) обследование и 3) раскопки памятников. Все они теснейшим образом связаны между собой, так как являются последовательными этапами правильного и полного исследования каждого памятника. Я имею ввиду остановить внимание Собрания на первых двух, иллюстрировав их соответствующими письменными и графическими материалами.

Рекогносцировка, как вид полевой палеоэтнологической работы, имеет в виду более или менее беглое ознакомление с памятниками и состоит в простом и объективном их описании, сделанном хотя бы по памяти. Являясь исходным пунктом следующей стадии работы, т. е. обследования, в процессе которого происходит детальное ознакомление с памятником, рекогносцировочные данные в наиболее простом виде должны знакомить нас хотя бы только с характером и, возможно подробнее, с географическим положением памятников.

Сбор рекогносцировочных сведений, однако, далеко не всегда производится в процессе полевой работы, при прохождении маршрутов. Наоборот, в большинстве случаев, сбор рекогносцировочных сведений предваряет собою выход в поле с целью обследования. Рекогносцировочные сведения о памятниках и их местоположении могут быть добыты путем: 1) личного беглого осмотра их, 2) личного опроса сведущих лиц, 3) переписки с таковыми лицами на местах и 4) выписок из существующей по палеоэтнологии данного района литературы.

Все собранные таким образом рекогносцировочные сведения, даже мало достоверные, включаются в особый карточный указатель палеоэтнологических памятников. Последний состоит из отдельных карточек в $\frac{1}{8}$ листа, каждая из которых наверху, над общей горизонтальной чертой, имеет особую заглавную руб-

рикацию в виде четырех разной ширины клеток, соответственно заполняемых. Эти рубрики таковы: 1-я—предметная, в которую вписывается видовое название данного памятника (курган, городище и т. п.); 2-я—указывающая географическое положение памятника с обозначением административных территориальных делений и ближайшей водной артерии; 3-я—авторская, говорящая о том, откуда или от кого почерпнуты сведения; 4-я—с шифром самого карточного каталога и номером карточки. Такая рубрикация придает указателю большую гибкость, дает возможность быстрого подбора данных по памятникам какого-нибудь одного вида, или, например, подбора памятников по отдельным уездам, волостям, или независимо от последних—по бассейнам определенных рек, или, наконец, по авторской принадлежности сведений.

При составлении указателя следует заполнять особую карточку на каждый отдельный памятник и в тексте карточки стремиться к наиболее полному изложению этих первых ориентирующих и нередко скудных данных о памятнике, в которых каждый штрих имеет свою значительную ценность. Особое внимание следует обращать на точное определение географического положения памятника, без чего последний, при обследовании, не всегда может быть найден; полезно помещать при этом, на той же карточке, хотя бы схематический план расположения памятника.

Переноса зарегистрированные в рекогносцировочном карточном указателе памятники на географическую карту, мы создаем основную канву для планировки маршрута обследования каждого данного района.

В процессе обследования, карточный указатель рекогносцировочных сведений позволяет подбирать эти сведения в порядке следования по намеченному маршруту. Тогда же происходит постоянное пополнение указателя путем составления новых карточек.

Отмечу также практическую целесообразность составления карточного указателя лиц, могущих быть при обследовании полезными. Этот указатель также составляется частью предварительно, частью в процессе полевой работы; имея нередко подробные сведения о могущих быть полезными лицах и постоянно обращаясь к ним, мы создаем себе лучшие условия работы и значительно повышаем продукцию и качество наших опросов.

На материалах вышеуказанной первой рекогносцировочной и подготовительной стадии полевой работы палеоэтнолога, при нормальной постановке дела, основывается вторая стадия изучения,—обследование памятника, к которому я и перехожу.

Палеоэтнологические обследования памятников имеют своей целью максимально-полное внешнее научное их описание, и сопровождаются в некоторых случаях заложением единичных

шурфов на памятниках с культурным слоем для выяснения стратиграфии памятника и содержания его слоев¹⁾.

Снаряжение обследователя в случаях подготовки больших обследований должно быть практично и весьма портативно. Рекомендуется брать с собою минимальное количество личного багажа. Снаряжение обследователя представляется в следующем виде:

I. Заплечный мешок, куда помещается, кроме нормы личного багажа:

- 1) рулетка для различных промеров;
- 2) совок для работы при шурфовке;
- 3) кисть для того же;
- 4) немного растворенного в спирту шеллака и резиновый баллон для пропитывания шеллаком при укреплении находимых объектов слабой сохранности;
- 5) достаточное количество упаковочного материала для завертывания собранных коллекций;

Примечание: в заплечном мешке должно оставаться также достаточно места для помещения самых коллекций.

II. Сумка письменных материалов, содержащая:

- 1) географические карты;
- 2) тетради для дневников;
- 3) карточные каталоги памятников и лиц;
- 4) необходимые писчебумажные принадлежности;
- 5) все письменные материалы уже обследованных по данному маршруту памятников;
- 6) планшет для съемки планов;
- 7) линейку с ребром;
- 8) компас;
- 9) эклиметр (угломер) для определения высот.

III. Небольшая (шанцевая) лопатка в чехле для шурфовки и зачистки обнажений.

IV. Небольшой охотничий топорик в чехле и на поясе или хороший нож для приготовления вешек при съемке планов.

V. Фотографический аппарат (в порядке желательности).

При прохождении маршрута ведется работа главным образом рекогносцировочного характера, а именно:

- 1) проверка уже имеющихся сведений карточного каталога памятников;
- 2) постоянные рекогносцировочные опросы;
- 3) личные поиски.

И только на самом памятнике производится:

- 4) детальное обследование памятника.

¹⁾ Автор имел здесь в виду положения, формулированные в изданной впоследствии в 1927 году, Музейным Отделом Главнауки „Инструкции к Открытому Листу“ на право производства палеоэтнологических обследований.

Письменные материалы обследования включают:

- 1) маршрутный план с обозначением маршрута обследования и обнаруженных памятников;
- 2) дневник, хронологически отражающий процесс всей работы и ее планирования, но не включающий никаких специальных палеоэтнологических данных, давая лишь постоянные ссылки на соответствующие №№ карточных материалов;
- 3) карточный указатель памятников по данному району, постоянно отражающий работу в обследовании;
- 4) карточный указатель лиц по данной территории;
- 5) материалы обследования отдельных памятников.

Все перечисленные письменные материалы включают по указанным подразделениям в пределах каждого из последних вполне определенные данные и тесно увязаны между собой.

На каждом отдельном памятнике работа по обследованию его ведется несколько различно в зависимости от рода памятника. Остановлюсь на обследовании: 1) памятников с погребениями и 2) памятников, содержащих культурный слой, как характеризующих собою обе части наиболее общего двойного подразделения наших памятников. Возьмем пример обследования курганного могильника и городища, как памятников более сложных, чем, с одной стороны,—могильники, с другой,—селища и стоянки. При обследовании последних приходится лишь опускать те пункты программы обследования, которые относятся к описанию возвышающихся над поверхностью земли искусственных земляных сооружений, как мы имеем это в случаях с курганными могильниками и городищами.

Итак, обследование курганного могильника мы ведем по следующей программе.

- 1) Топографическая съемка плана, можно схематизированного, возможно крупного масштаба, с ориентировочными направлениями и приблизительным расстоянием от выдающихся точек окружающего ландшафта.

- 2) Описание могильника по нижеследующим пунктам:

- а) название памятника,
- б) географическое положение,
- в) топография расположения,
- г) количество курганов,
- д) их взаимное расположение,
- е) описание курганов (форма, высота, диаметр, ровики, камни и проч.),
- ж) степень сохранности,
- з) состояние поверхности,
- и) понимание памятника местным населением,
- к) история сведений о памятнике.

На технических приемах осуществления приведенной программы обследования могильников, также как и памятников со слоем, я останавливаться здесь не буду.

В результате обследования курганной группы письменные материалы обследования образуются из: 1) плана могильника и 2) описания его по указанным рубрикам; желательно также давать и 3) некоторые профили поверхности курганов.

На городище мы действуем при обследовании по следующей программе.

1) Съемка топографического плана городища и непосредственно примыкающей к нему части ландшафта (лучше с горизонталями, а не штриховкой).

2) Нивелировка поверхности по прямой линии, пересекающей рвы, валы и площадку городища; в нужных случаях такая нивелировка производится по двум и более направлениям.

3) Описание городища по рубрикам:

а) название,

б) географическое положение,

в) топография расположения,

г) описание валов, рвов, площадки (с размерами),

д) состояние поверхности,

е) степень сохранности,

ж) распространение находок на поверхности (с обозначением на плане),

з) современное понимание памятника местным населением,

и) история сведений о памятнике,

к) осторожное и достаточно глубокое вскрытие единичных небольших пробных участков и зачистка обнажений культурного слоя, если таковые имеются, с тщательной регистрацией результатов и не менее внимательной упаковкой и этикетировкой добытых из каждого отдельного шурфа и из различных горизонтов его групп предметов.

В результате обследования каждого городища письменные материалы будут содержать: 1) план памятника, 2) нивелировку его поверхности по обозначенным на плане линиям, 3) вычерченный по данным нивелировки профиль (или профили) поверхности, 4) описание памятника по вышеперечисленным пунктам, 5) особые карточки с описательными, измерительными и другими данными по каждому шурфу с профилями и деталями.

Не имея возможности подробнее комментировать здесь все вышеуказанное, я добавляю лишь, что к материалам обследования каждого памятника, хранящимся в каком-либо научном учреждении, весьма желательно приобщать особые карточки— протоколы, на которых фиксируются все происходящие на памятнике изменения, поскольку сведения о современном его состоянии поступают в данное учреждение.

Научная ценность палеоэтнологических обследований очевидна. Нисколько не нарушая сохранности памятников в целом, они в то же время дают научный материал, на основании которого можно составить определенное представление о каждом

памятнике не только по его внешности, но иногда (например, по городищам), также и в опознании его внутреннего содержания, что почти всегда в свою очередь дает возможность и основание относить каждый отдельный памятник к той или иной культуре.

Обследования дают также и ценный музейный материал в виде некоторого количества чертежей и коллекций предметов, — материал, вполне годный для экспозиции. Базируясь на материалах предварительной рекогносцировки, палеоэтнологические обследования, в свою очередь, всецело готовят раскопки; последние фактически всегда включают в себе материалы обследования, так как без них они не могут считаться полными.

Сопоставление материалов обследования различных памятников одного и того же рода может представить большой специальный интерес, хотя-бы лишь в части разных внешних особенностей и деталей.

Издание материалов обследований составит ценные и интересные научные сборники.

Заканчивая на этом свой доклад, я позволю себе выразить надежду, что в широком деле изучения нашей области в палеоэтнологическом отношении, в особенности изучения краеведческого, также как и в нашей науке вообще, внимательные палеоэтнологические обследования по уточненным и строго установленным методам займут рано или поздно подобающее им место.

Из методологии изучения культур стоянок и городищ.

(Автореферат).

Предшествующий интерпретации, процесс изучения памятников погребенных культур можно рассматривать как последовательное сочетание отдельных моментов или стадий этого изучения. Такими стадиями являются: а) первоначальный учет местонахождений памятников, их характер и распространенность на данной территории, б) полевое обследование памятников, в) раскопка их, связанная с неповторяемым процессом полевого изучения индивидуальных особенностей памятника, его содержимого, а также с процессом основной документации местонахождения каждого добываемого при раскопках объекта и г) музейно-лабораторной научной обработки вещественного инвентаря памятников. Каждая из этих стадий изучения требует неравноценных по сложности приемов накопления материала, фиксации и анализа объективных фактов. Каждая из них, будучи достаточно целостной и законченной, является самоцелью для исследователя, т. к. дает, в итоге работы, определенные научные результаты.

Не затрагивая двух первых стадий изучения, рассмотренных в докладе О. Н. Бадера, я остановлюсь, преимущественно, на двух следующих, причем коснусь лишь части того обширного круга методологических вопросов, которые связаны исключительно с изучением памятников, содержащих культурный слой или аналогичных им. По приемам и технике изучения эти памятники относятся к категории, весьма отличной от памятников, содержащих погребения.

Для исследователя-полевика или музееведа, кто бы он ни был,—гуманитарист или естествовед, памятники, содержащие культурный слой, наиболее сложны. С одной стороны именно они, в благоприятных случаях, позволяют комплексировать изучение древней культуры и соответствующей ей естественной среды в совокупности признаков географического ландшафта, почвообразования, состава и характера фауны, флоры и т. п. С другой стороны, эти памятники разворачивают иногда в процессе раскопок довольно сложную стратиграфическую картину, а также дают оригинальные свидетельства, намеки на них или следы признаков, относящихся к структуре самого памятника и

к быту его древних обитателей. Наконец, с третьей стороны, они дают в результате раскопок более обширный, разнообразный, — и более фрагментарный и случайный, — материал, чем могильники, при чем этот материал обычно требует весьма длительной и сложной лабораторной проработки, требующей, с своей стороны, утонченных, специфических и относящихся к области частной палеоэтнологической методологии приемов изучения. Вопросы изучения, связанные с памятниками, содержащими культурный слой, сложны еще и потому, что на территории, например, одной только средней России такие памятники характеризуются неоднородными качествами и свойствами, присущими каждой их территориальной и видовой группе.

В результате того суммарного и более или менее случайного и отрывочного изучения погребенных культур нынешней Ц.—П. О., на основе которых мы, современные исследователи, разрываем их дальнейшие изыскания, нам известны, в конечном итоге, лишь весьма общие свойства и качества этих культур, которые классифицируются или по более или менее схематично и даже нередко спекулятивно—устанавливаемым квази-хронологическим (культурным) признакам,—палеолит, мезолит, неолит и т. д., или по более дробным, весьма сомнительным хронологическим подразделениям, или, наконец, по крупным и различно понимаемым культурным комплексам, как, например, „культура гребенчатой керамики“, „культура Фатьяновская“, „культура городищ Дьякова типа“ и т. д. Между тем, уже давно настало время подойти более углубленно к разрешению великих проблем изучения эволюции культур различных этнических групп человечества, проблем формирования племенных групп и культур, взаимоотношений между культурами и расами прошлого, между отдельными культурами и средою. Настало время подойти к выяснению истории племенных групп и культур, незафиксированной в письменных источниках.

Перед нами, таким образом, встают перспективы широкого разрывания исследовательской мысли, не преграждаемой рамками тысячелетий, перспективы изучения живых организмов,—человеческих групп, крупных и мелких, которые приобретали и изменяли свои культурные особенности не только под влиянием культурных заимствований, стимула времени или эпохи, со связанным с ним техническим совершенствованием, но изменялись, прежде всего, под воздействием природной среды, географической обстановки, под воздействием хозяйственно-экономических факторов. Нужно ли еще раз сугубо подчеркивать, что фактор природной среды, весьма разнообразные географические особенности территорий нашей области, должны быть особенно принимаемы во внимание при изучении местных до-исторических культур стоянок и городищ, культур „варварских“, бытовавших в отдаленных от юга Европы областях, куда едва проникали влияния более высоких культур этого юга? Стоит, напри-

мер, лишь вспомнить о многообразии и запоздалости неолитических (в этнологическом, но не хронологическом понимании этого термина) культур нашей области, стоит вспомнить об их неизученности ни по территориям, ни в хронологической последовательности, чтобы необходимость углубленной, и в то же самое время комплексной, проработки культур отдельных неолитических памятников стала очевидной.

Констатируя значительные успехи и достижения в области палеоэтнологии в нашей стране, необходимо подчеркнуть те из них, которые заслуживают особенного внимания в связи с поднятными нами методологическими вопросами. К таким положительным для нашей науки достижениям я отношу „краеведизацию“ палеоэтнологических изысканий, т.-е. стремление к более или менее систематической порайонной постановке изучения доисторических памятников и их культур. Такая постановка изучения, предreshающая пересмотр для каждой области хронологических и территориальных соотношений между культурами, характеризуемыми, хотя бы по общим схемам, требует более углубленного анализа даже при изучении каждого из памятников по его внешнему виду и обеспечивает массовый учет и массовое описание памятников.

Другим важным фактом является тенденция к более углубленной, чем то имело место до сих пор, проработке музейного палеоэтнологического материала, — тех находок из раскопок, а также и находок случайных, которые нередко лишь перечислялись в описаниях и которыми зачастую пользовались лишь для достаточно спорных и суммарных отдельных реконструкций древнего быта. Развитие этой тенденции предreshает как более широкое применение имеющейся у нашей науки частной методики проработки отдельных вопросов (напр., кремневой техники), так и ее дальнейшее развитие и углубление. Наконец, едва ли не основным успехом русской палеоэтнологии является тот сдвиг в подходе к общей интерпретации вопросов, связанных с изучением древних памятников, который вводит это изучение в концепцию этнологической науки. Уничтожение формальных граней между погребенными и современными культурами при их интерпретации, осознание существования различий лишь в методике собирания материала по этим культурам, в частных методах полевого анализа фактов в момент их обнаружения, — таковы некоторые примеры результатов отмеченного сдвига.

В связи с намеченными мною вопросами я имею в виду предложить вниманию Сопещения результаты некоторых исканий, связанных с изучением памятников, содержащих культурный слой. Эти искания, родившиеся у меня с первых же моих полевых работ по этим памятникам, (я начал свою исследовательскую работу в 1916—17 году именно с памятников этого рода), получили в значительной степени оформление и дали

свои результаты в процессе работ руководимого мною коллектива молодых сотрудников палеоантропологической лаборатории Антропологического, имени Д. Н. Анучина, Института 1-го М.Г.У. Эти искания вели меня по трем направлениям: 1) уточнения и систематизации приемов полевой практики при возможно максимальном использовании соответствующей методики естественных наук, 2) уточнения и систематизации приемов проработки материала с расширением лабораторного метода и с применением методов точных наук и 3) комплексирования изучения, исходя не только из того положения, что каждый памятник отражает природную среду своего района и своей эпохи, но также и из того, что между тем и другим явлением существует органическая зависимость, которая позволяет глубоко вскрывать причинность изучаемых палеоэтнологических явлений и искать известную закономерность их развития.

Само собою разумеется, что эти „направления“ исканий тесно переплетаются между собою для палеоэтнолога в каждый момент его исследовательской работы: ведь, анализ изучаемых фактов начинается для него уже в процессе не только раскопок, но и в процессе изучения внешних свойств погребенной стоянки или городища. Однако, именно исходя из намеченных мною задач и считаясь с требованиями максимальной объективности, максимальной точности и многогранного внимания от руководителя раскопок, исходя из положений о неразрывности связи ландшафта с памятником, памятника с его содержанием, древнего человека с его изделиями, мне казалось необходимым, с одной стороны, расширить и углубить, и уточнить процесс раскопок и обработки материала, а, с другой стороны, его систематизировать, упростить и, по возможности, механизировать.

Совершенно, очевидно, что раскопка памятника, представляющая собой его основное исследование во всей совокупности взаимно-связанных, освещающих памятник, деталей, представляющая собой процесс как бы перевода памятника из сокровищницы природы в лабораторию и музей, должна иметь идеальной задачей полную фиксацию (описательную, измерительную, графическую и фотографическую) всех установленных и наблюдаемых при раскопках фактов и деталей, а также выемку всего того вещественного материала, который может быть использован при обработке и который может быть увезен.

Переходя к характеристике применяемых нами в настоящее время в практике исследований памятников „со слоем“ приемов раскопки и обработки материала, к характеристике программы раскопок, я остановлюсь на нижеследующих положениях, относящихся к отдельным моментам и темам исследования. При этом я аргументирую, поясняю и иллюстрирую каждую затрагиваемую тему материалами, составленными в процессе соответствующих работ.

А. Положения к планировке раскопок.

1. Постановка раскопок после обследования памятника, произведенного по системе, о которой говорил в своем докладе О. Н. Бадер. Пример: раскопки стоянки, „Паново городище“ в Ветлужском уезде в 1925 г.

2. Необходимость производства длинных (в целях выяснения стратиграфии) и широких (в целях выяснения бытовых деталей) разрезов памятника. Эти разрезы должны, по возможности, рассекать памятник и охватывать линию выклинивания культурного слоя; однако, помимо их, представляется иногда необходимым, исключительно для выяснения стратиграфии, закладывать длинные и глубокие траншеи также и вне зоны распространения культурного слоя. Пример: Раскопки Поздняковской стоянки в Муромском уезде в 1925 году.

3. Желательность вскрытия больших сплошных площадей (для установления бытовых деталей и для максимальной добычи материала) после осуществления указанных разрезов и в качестве завершающего монографического исследования культуры памятника.

Б. Некоторые обязательные программные работы при раскопках.

1. Снятие топографического плана памятника с нивелировкой его поверхности, если таковой план не был снят при обследовании.

2. Нивелировка поверхности стенок каждой проводимой траншеи и пометровые отсчеты глубин залегания слоев для точной фиксации профилей на чертежах. Такие же отсчеты глубин на каждом раскапываемом участке.

3. Выемка образцов каждого слоя для последующего анализа слоев на их состав, на присутствие в них остатков цветочной пыльцы и других включений. Желательность выемки 1—2 характерных почвенных монолитов.

4. Графическая фиксация (кроме топографического плана памятника): а) плана раскопанных площадей с номенклатурой участков, б) основных разрезов (профилей) через памятник, а также и остальных разрезов на памятнике, в) последовательной через 5—10 см. (в глубину) зарисовки в масштабе на особо важных участках изменения вскрываемых деталей в плане.

5. Фотографическая фиксация: а) вида памятника с разных сторон, б) ландшафта, открывающегося с памятника по разным направлениям; в) техники и приемов работы и г) отдельных разрезов и других деталей, а в особенности деталей, связанных с большими разрезами через памятник.

В. Система описаний, регистрации и проч.

Нами введена унитарная карточная система (демонстрирую образцы), причем: а) каждому вскрытому 1 кв. метру соответствует „раскопочная“ карточка определенного образца, б) все

записи (описание памятника, история его открытия, описание методов работы, дневник работ и пр.) индивидуализируются по темам и также разносятся на карточки особой формы и в) детали, планы чертежи и пр. выполняются также на карточках. В результате проводимой фиксации на карточках, все письменные, и значительная доля (кроме больших профилей и т. п.) графических материалов по каждой раскопке представляет собой не суммарное сочетание изложения данных в случайной последовательности, с переплетающимися записями обмеров, зарисовками и пр., но стройную серию заполненных по индивидуальным темам карточек 2-х форм.

Кроме приведенного перечисления тем и работ необходимо отметить, охарактеризовать и иллюстрировать применяемые нами: а) инструментарий (включающий иглы, шпатели, кисти, баллоны для продувания и пр.), б) укрепляющие средства, в) систему пометровой и по-слоистой упаковки и этикетаж находок. Демонстрация образцов, равно как и некоторых объектов, относящихся к дальнейшей части моего изложения, будет произведена на специальной выставке материалов, осуществленной для членов Совещания в Антропологическом Институте I-го М. Г. У.

Г. По методике и практике музейно-лабораторной обработки материала.

Я остановлюсь на нижеследующих темах, которые также иллюстрированы примерами:

1. Полевая и коллекционная описи находок.
2. Протоколы вскрытия, разборки, очистки, реставрации и т. д. находок, составляемые также на карточках.
3. Индивидуальные описания и иллюстрации каждой находки, производимые на карточках.
4. Программа изучения керамических фрагментов, производимого частично при помощи введенного нами лабораторного инструментария. Метод характеристики (с применением количественного учета) отдельных признаков и их сочетания в комплексах фрагментов керамики по памятникам и культурам. Методы выделения типов и их разновидностей в керамических комплексах.

Наконец, на некоторых новых примерах наши работы по раскопкам и изучению культур (Льяловской стоянки, Поздняковской стоянки, Ветлужских городищ) я позволю себе иллюстрировать то осуществление комплексного изучения и интерпретации, которое может быть выявлено: а) в процессе полевой работы, б) в обработке материалов, в) в музейной экспозиции, д) в опубликовании материалов.

О методе изучения преемственности погребенных и современных племенных культур.

(Автореферат вступительного слова к обсуждению вопроса).

Вопрос этот, как стоящий на рубеже двух смежных наук, специализирующихся каждая в своем направлении—археологии и этнологии,—по необходимости является сложным. Трудность его заключается, главным образом, в том, что обе науки о культуре при общих конечных целях имеют дело каждая с своим особым объектом, почти не соприкасающимся непосредственно с другим. Даже больше того—основные свойства археологического и этнологического материала в существенных своих сторонах являются как бы противоположными друг другу по отношению к общей задаче обеих наук: дать конкретную историю развития человечества во всем многообразии культурно-племенных проявлений его быта. Материал археологический сравнительно с этнологическим обладает вполне реальной хронологической глубиной. Он открывается исследователю по большей части как схороненный от протекавшей над ним жизни памятник культурного быта определенной территории и эпохи, вскрываемой типологическим анализом. Этнология, напротив, имеет дело с объектами приблизительно одновременными, бытующими у современных племенных групп и только в пределах одновременности их строго территориально приуроченными. Хронологическая глубина, в смысле археологическом, этнологическому факту не присуща, она восстанавливается теоретически только для типа, а не данного реального предмета. При этом теряется и территориальная определенность: для типа, уясняемого как памятник некоторой эпохи, территория становится тоже гипотетической. Она превращается в этно-культурную среду его развития и только как таковая может быть связана с той или иной географической областью, обязательно совпадающей с современным географическим распространением предметов изучаемого типа. Зато для этнолога реальна племенная среда, в которой бытует и трансформируется предмет или иное явление быта.

К племенной или этно-культурной среде определенной эпохи анализ относит и тип, так—что развитие культуры рассматривается происходящим в процессе обособления и взаимодействия племенных образований различных форм, объемов и степеней индивидуализации. В археологии же объект за редкими исключениями является этнически-немым. В сущности говоря, даже не вполне правильно считать принадлежащими археологии памят-

ники, связь которых с живым племенным бытом еще не порвана, так как чисто технические приемы извлечения их из земли еще не создают науки археологии, ведению которой не может принадлежать и изучение, например, нового жертвенного кострища или нового погребения какой либо первобытной народности. Здесь нужны уже этнологические приемы, связанные с опросом и изучением живого народного быта. Да и вообще в археологии памятники, традиционная связь которых с живым народом еще не порвана, вполне перефиричны и, во всяком случае, не изменяют основных свойств археологического материала и приемов его изучения. Этим и объясняется, почему термин „археология“ стойко сохраняется, несмотря на стремление заменить его более модным сейчас—„палеоэтнология“. По самому свойству материала археолог может иметь дело только с культурным комплексом определенной древности и территории, а об этнической принадлежности его судить лишь с известной степенью приближения тем меньшей, чем древнее культура. Поэтому правильнее было бы говорить о палеоэтнологическом анализе в археологии, а не о науке палеоэтнологии, поскольку ее объект не включает в себе достаточных данных о своем этическом происхождении и даже может предшествовать образованию в человечестве самих народно-племенных единиц.

Сопоставляя сказанное относительно материала обеих наук о культуре, легко видеть, что каждая из них может искать у другой: этнология стремится помощью археологии или выяснить территорию прошлого пребывания племени по остаткам его культуры, поддающимся отождествлению с современными элементами, или же обнаружить реально-древний культурный тип племени на территории, выявленной этнологическим анализом для определенной эпохи.

Археология ищет у этнологии определение племенной принадлежности культурного памятника, приуроченного точно к месту и времени.

Что касается первого, то сильным препятствием, затрудняющим казалось бы легкий и простой контакт этнологии с археологией в этом пункте, являются существенные различия самого характера бытовых предметов погребенных и современных культур: исчезли в современном быту целые категории культурных явлений, составляющих главное содержание древних памятников. Так, не находит себе места в живой этнографии, за исключением немногих вне европейских реликтовых племен вся каменная, а частью и костяная индустрия; исчез давно бронзовый и медный материал для оружия и самые формы вооружения: мечи, копья, стрелы, луки, щиты, составляющие основное содержание археологии, перестали быть господствующими в современном быте народов Европы. Даже еще недавнее богатство женских металлических украшений, так называемых, финских, а также славянских погребений находит лишь далеко не-

полную аналогию в costume ныне живущих волжских финнов, некоторых кавказских горцев, монголов и турков Центральной и Северной Азии.

Напротив, важнейшие категории предметов истории материальной культуры, составляющие содержание современной этнографии народов нашей территории,— жилище, одежда, средства передвижения, орудия труда, не встречают себе в достаточной степени отражения в памятниках археологических. Однако именно эти явления быта служат основными объектами вышеуказанного историко-культурного этнологического анализа, дающего возможность подойти к прошлым судьбам отдельных племен и народов, их происхождению, развитию, родственным связям, взаимным влияниям, путям продвижения по территории и колонизации. Именно здесь этнологу больше всего нужна помощь со стороны археолога, ставящего точные территориальные и хронологические вехи. Поэтому открытия и анализ погребенных жилищ или их моделей в элементах их формы, плана положения очага, материала, разрабатываемые в этнологии, являются для нашего вопроса особенно ценными в работах археологических. То же самое надо сказать и о costume. Остатки costume в древних могильниках, даже в небольших фрагментах могут дать важнейшие указания для этнолога, если они правильно собраны. Особенно важны те детали, которые могут пролить свет на форму и покрой costume, головного убора, обуви. Здесь необходимо только особое внимание археолога, чтобы зарегистрировать положение швов, краев тканей, рубцов пол, ворота и т. д., поскольку они довольно часто сохраняются консервированными металлическими окислами. К сожалению, мы не имеем в этом смысле, за редкими исключениями, удовлетворительно собранного материала. Хотя объективность записи и является при этом главным требованием, но она и, тем более, полнота и точность наблюдения, обеспечиваются исключительно личной заинтересованностью исследователя в вопросе и не могут быть осуществлены путем механической регистрации. Необходим исследовательский анализ (во время самых работ), вполне опирающийся на широкое знание материала этнологического. Надо правильно поставить себе вопросы, чтобы найти на них нужные ответы на месте. Поэтому было бы желательно, чтобы к изучению особенно поздних могильников, дающих фрагменты тканей, привлекался бы обязательно этнолог, работающий в области costume. При этом регистрация всего, относящегося к тканям на месте раскопок, должна производиться методом последовательных зарисовок. Наносятся ряд за рядом на отдельных бланках (карточках) с определенной сетью координат раскрываемые в погребении детали фрагментов costume в точных зарисовках, с указанием направления нитей основы, утка, взаимного расположения складок и т. д. Прорабатываются так все остатки тканей на голове, руках, груди, плече, вороте, ногах

и т. д. Собранный таким образом материал по одному могильнику в состоянии выявить многие важные детали покроя и частей костюма, поддающиеся сравнительному изучению его с костюмом современным. Особенно же ценным является проследить таким образом племенную культуру через ряд могильников последовательного возраста от более новых по возможности даже вглубь веков. Лучше всего это осуществимо для волго-финских племен.

Кроме покроя, сравнительному изучению еще подвергается и материал костюма, несколько полнее, но тоже совершенно недостаточно собранный. Исследование тканей, вообще, чрезвычайно важное и с точки зрения археологической (датировка, торговые связи и т. д.), дает ценные сведения о технике и приемах обработки и даже уясняет многие особенности самих орудий труда. Но, характер материала тканей в некоторых случаях получает еще особый смысл, бросая свет на целый костюмный комплекс племенного значения. Так, от археологии можно ждать ответа, например, на один из важнейших вопросов истории современного великорусского костюма: об отношении паневного комплекса к северно-русской среде.

Ныне характерная для южно-великорусской паневы и украинской плахты крупно-клетчатая шерстяная крашенная ткань, как и сама панева, совершенно отсутствует на всей северно-великорусской территории и сильно вытеснена в Белоруссии. Нахождение или отсутствие фрагментов этой ткани в женском костюме различных древне-русских племен позволит осветить вопрос об их взаимоотношениях и культурных связях. Подобное изучение покроя и материала погребенного костюма, из всех явлений материальной культуры вообще наиболее явно связанного с племенным и национальным самосознанием, лучше всего даст возможность подойти к выявлению преемственности ушедших и живущих культур.

Что касается второй стороны поставленного нами в начале вопроса о взаимоотношении двух наук о первобытной культуре между собой, именно этнологических претензиях археологии, то эта сторона в некоторых отношениях оказывается более сложной, чем только—что рассмотренная, но совсем по другим основаниям. Правда, определение племенной принадлежности археологического материала, точно приуроченного к месту и времени, не представляет значительного затруднения, если имеются хорошие исторические указания на определенную народность, обитавшую на данной территории в эпоху, намеченную для памятника. Особую достоверность приобретает определение, если при этом историческая характеристика подтверждается данными археологическими. Другой уже вопрос, насколько сама историческая народность, означенная тем или иным именем, является этнически выраженной и насколько может быть установлена ее принадлежность к той или иной племенной и линг-

вистической группе. В этом случае сама археологическая характеристика и палеоантропологические данные принимают участие в общем решении.

Иное дело, когда приходится подходить к этническому осмыслению погребенных культур, не имея ясных исторических указаний. Поскольку здесь уже невозможно простое наложение территорий, прибегают к выяснению возможных кандидатов среди окружающих племен. Для этого, с помощью историко-культурного и сравнительного анализа бытовых памятников, этнология стремится воссоздать прошлые взаимоотношения этих племен и, опираясь, как выше сказано, по возможности на археологические данные, подходит к установлению территориальных путей их развития. Племя не должно при этом рассматриваться как нечто неизменное. Этно-культурные типы наслаиваются друг на друга, как пространственно-временные формации каждая с своей географической средой, этническим окружением и эпохами развития. Археолог очень легко здесь может впасть в ошибку, если он вырисовывающиеся перед ним на определенной территории, особенно древние, культуры будет просто толковать из современных племенных отношений и генезиса ныне живущих здесь этнических групп. Так, бессильной поэтому представляется попытка Коссины, стоящего, кроме того, на противоречащей археологическому опыту широкого взаимодействия культурных очагов точке зрения генетического древаразвития племен, попытка его связать происхождение европейского неолита с историей расчленения индо-европейской и угро-финской семьи народов.

Уже одно разнообразие расовых типов, захваченных ныне жизнью индо-европейских и угро-финских племен, не говоря о широком взаимодействии культурных форм эпохи неолита и раннего металла на громадных пространствах европейского и азиатского материков, делает недопустимым, в исторической перспективе многих тысячелетий, игнорировать возможность участия в образовании ранних европейских этнических культур, ныне территориально далеко оттесненных племенных групп. Только при учете широкого племенного окружения и при совокупном анализе взаимоотношений погребенных и современных культурных типов на крупных территориях, может быть создана правильная база для этнического истолкования хронологически удаленных культур неолита и раннего металла нашей области.

Все это в достаточной степени показывает, что для решения племенного вопроса в археологии недостаточно простого заимствования готовых выводов соседних этнологических наук, но необходимо в полном смысле совместное их участие в этой работе и создание специальной методологии, не вытекающей из существа материалов каждой из них по отдельности, но только из общей их задачи дать историю развития человечества в многообразии его культурно-племенных проявлений.

Археологические исследования Тульской губернии.

Полевые археологические работы Тульской губернии в дореволюционный период проводились Н. И. Троицким, результаты раскопок которого хранятся в Тульском музее. Отчеты о своих работах он печатал, и не один раз, в Известиях Археологической Комиссии и прочих изданиях.

За революционные годы полевые работы впервые были произведены местными работниками в 1925 г., когда, по поручению археологической подсекции общества по изучению Тульского Края и Тульского Художественно-Исторического Музея, комиссия в составе Т. Л. Шаталова, А. Н. Нечаевой и М. А. Дружинина производила археологические разведки в районе среднего течения р. Шат в Богородицком у., Тульской губ. Экспедиция заняла два дня, 21 и 22 июля.

21-го июля было подвергнуто осмотру среднее течение р. Шат в районе д. Слободки. В этой местности установлено наличие нескольких курганов, ранее неизвестных. Открытые здесь 3 кургана расположены почти по прямой линии по течению р. Шат, на правом его берегу, между двумя известными городищами: Новосельским и Городищенским. Средний из трех курганов расположен на высотах правого берега р. Шат, в расстоянии около версты к северу от д. Слободки. Он стоит близ дороги Слободка-Иврова и имеет вид разрытого когда-то кургана. Кем произведена его раскопка—неизвестно. Высота кургана в настоящем его состоянии— $1\frac{1}{2}$ метра от материка. Второй курган расположен в $3\frac{1}{2}$ верстах к западу от первого по направлению к Новосельскому городищу, среди крестьянской пашни, на правом берегу р. Шата. Курган нетронутый, но сильно опахан. Высота его от материка $2\frac{1}{2}$ метра. Форма—полушарная. Третий курган расположен в 4 верстах на восток от Слободского на правом берегу р. Шат, по направлению к Городищенскому городищу. Высота— $2\frac{1}{2}$ метра. Форма полушарная.

С высоты кургана у д. Слободки ясно виден расположенный в 8 верстах к с.-в. от него у с. Белькова одиноко стоящий курган, а с Бельковского кургана, в свою очередь, виден курган, стоящий на опушке леса у села Карник.

Сопоставляя взаимное расположение данных курганов, можно прийти к заключению, что они являются сторожевыми курга-

нами и составляют звенья цепи, идущей от Шата к Веневу и засеке.

22-го июля члены разведочной экспедиции обратились к обследованию самой многочисленной группы курганов данного района—Бельковской.

Группа Бельковских курганов расположена в 500 метрах к югу от с. Белькова на равнине, медленно понижающейся к востоку, к большому оврагу, тянущемуся верст на 10 от карнической засеки до р. Шат, в которой овраг впадает близ д. Слободки. В настоящее время местность, занятая группой курганов, представляет собой, нераспаханную поляну, имеющую вид вытянутого с С. на Ю. неправильного ромба, поросшую кустарником, молодыми липами и дубами и ограниченную с трех сторон полями крестьян села Белькова, а с четвертой (западной) проселочной дорогой из Белькова на д. Кучину. По другую сторону проселочной дороги, к западу от поляны находится сельское кладбище села Белькова. На поляне находятся 23 кургана, расположенных по обе стороны неширокого, незанятого курганами проезда, прорезающего курганную группу с З. на В. К югу от проезда расположено 10 курганов и 13 к северу. Высота курганов от 0,80 метр. (курган № 9) до 2,1 (курган № 14). Окружность курганов от 17,50 метр. до 31,70 м. Форма большинства их—полушаровая. Курган № 9 имеет вид сегмента.

Большинство курганов имеют у подошвы ровики глубиной до 0,30—0,35 метр. и шириной 1,60 метр. Перемычки ровиков имеются большей частью с западной стороны кургана, сев.-зап.; встречаются также и с восточной, сев.-вост., и северной. Многие курганы на вершине своей несут следы ям, м. б. кладоискательских. Курган № 4 подвергался, повидимому, раскопке; кем и когда произведена его раскопка—неизвестно.

Кроме 23 курганов, расположенных на поляне, 2 кургана находятся к западу от нее, на территории сельского кладбища с. Белькова. Из них № 24 прорезан проходящим через него ровом кладбища, а № 25 покрыт могилами нового происхождения в количестве 3-х.

К востоку от курганной группы можно заметить следы трех сильно распаханных курганов №№ 26, 27, 28, находящихся на крестьянских полях.

С целью выяснения внутреннего устройства и содержания курганов группы, была произведена разведочная раскопка малого кургана № 22, типичного для группы и нетронутого, повидимому, кладоискателями. В насыпи кургана обнаружены фрагменты глиняной посуды, угольки, кости животных и на уровне материка открыт слой, богатый содержанием золы и угля. Никаких других вещей в кургане не оказалось.

Курганы №№ 5 и 10 оказались попорчены прошлогодними земляными работами крестьян с. Белькова, когда для ремонта

моста в овраге к юго-зап. от группы крестьяне брали из выше-указанных курганов землю.

При этом из кургана № 10 удалено около $\frac{1}{8}$ части его насыпи, а из кургана № 5 около $\frac{1}{3}$ части с северной стороны.

По словам местных крестьян, при выемке земли из кургана № 5 им встречались человеческие черепа, которые вместе с прочей землей были отправлены для ремонта моста. Ввиду этих обстоятельств решено было произвести дальнейшую раскопку попорченного кургана № 5 с целью выбрать вещи, возможно еще оставшиеся в нем. При раскопке, в центре кургана обнаружен костяк молодого мужчины, положенный в вытянутом положении, головою на запад, лицом к югу, руки на груди. Многие кости костяка оказались не на своих местах: нижняя челюсть обнаружена близ бедра, позвонки разрознены. Вещей при костяке не оказалось, кроме двух небольших железных предметов.

Дальнейших разведок в данном районе не производилось ввиду начавшейся дождливой погоды.

ДНЕВНИК РАСКОПОК

курганов в Тульской губ., Богородицком у., близ с. Белькова
22 июля 1925 года.

Курган № 22.

Высота—1 метр 20 см.

Окружность—17 метров 60 см.

Форма полушаровая.

Вокруг кургана ровик с перемычкой с сев.-вост. стороны, глубина ровика—22—25 см.; ширина—1,50—1,60 см.

Раскопка ведена послойно снятием на снос верхней части кургана от вершины на глубину 50 см.; а затем колодцем в 3,5×3,5 метр.

При раскопке обнаружено следующее:

1) Насыпь кургана воздвигнута из перемешанного дерново-подзолистого грунта, аналогичного с грунтом окружающей местности, что установлено заложением контрольной ямки в расстоянии 3 метров к юго-вост. от кургана.

2) В верхнем слое курганной насыпи, на глубине 20 см., найдено несколько осколков костей животных.

3) На глубине 75 см., близ северного склона кургана обнаружен глиняный черепок со следами производства на гончарном круге, хорошо обожженный; с линейным орнаментом.

Глубже встречено еще 5 небольших черепков глиняной посуды без орнамента, со следами изготовления их на гончарном круге и хорошо обожженных.

4) Вместе с тем в насыпи стали попадаться отдельные мелкие древесные угольки.

5) На глубине 78 см. найден большой черепок глиняного горшка, хорошо обожженного, с остатком линейного орнамента. Глубже продолжали попадаться отдельные черепки глиняной посуды со следами сильного обжига и некоторые с линейным орнаментом.

6) На глубине 95 см. начал более обильно попадаться древесный уголь.

7) На глубине 115 см.—130 см. залегает слой с большой примесью угля и золы; встречаются отдельные черепки глиняной посуды.

8) На глубине 130 см. начинается уже непрерывный грунт. После небольшого по мощности дерново-подзолистого слоя начинается материковая глина.

Так как большая часть кургана была уже срезана вплоть до материка, дальнейшая раскопка была прекращена. Кроме найденных в насыпи кургана вещей взяты образцы почв из разных горизонтов насыпи.

Курган № 5.

Высота 1,40 метр.

Окружность точно определить невозможно ввиду того, что вся северная часть кургана скрыта крестьянами с. Белькова летом 1924 г., в целях выемки земли для ремонта близлежащего моста. При этом раскапывании кургана, по словам крестьян, ими было вырыто 3—4 человеческих черепа, которые вместе с прочей землей были направлены на ремонтные работы у моста. Так как земляными работами крестьян курган был уже значительно попорчен, решено было произвести дальнейшую его раскопку, лишь с целью выбрать вещи, которые, возможно, остались в кургане. Насыпь кургана состоит из насыпной земли, взятой из окружающего грунта. Насыпь прорезана в нескольких местах норами грызунов, в которых встречено немало перегрызенных колосьев ржи и проч. злаков.

На глубине 106 метр. в центре насыпи обнаружен костяк молодого мужчины. Костяк положен вытянуто, на спине, головой на запад, лицом вправо, руки согнуты в локтях, с кистями на груди. Кости стопы обеих ног не сохранились: они удалены вместе с частью земли при земляных работах 1924 г. крестьянами. Остальные части скелета крестьянами не были потревожены. Но некоторые кости его оказались смешанными, evidentemente, в древности. Нижняя челюсть обнаружена близ головки правого бедра. Здесь же оказалась и одна из ключиц. Из позвонков два найдены у левого бедра с внутренней его стороны. Несколько костей не оказалось вовсе.

При костяке вещей не обнаружено. Только близ шеи скелета найдены два обломка какого-то сильно перержавевшего железного предмета.

Зубы нижней челюсти (передние) и передние же зубы верхней челюсти были найдены в рассыпанном виде вдоль ноги у колена. Череп оказался рассечен. Во время отрывания трещина черепа оказалась покрытой сетью мелких корешков, которые были осторожно удалены.

О состоянии палеоэтнологической изученности Калужской губернии.

Палеоэтнологическое изучение Калужской губ. в настоящее время ведется местным краеведческим научным органом—„Обществом Истории и древностей“, а также некоторыми учеными Центра—проф. В. А. Городцовым, К. Я. Виноградовым и их сотрудниками.

Накопленный прежними годами материал можно разбить на три крупных группы: 1) памятники палеолита, 2) памятники неолита, 3) курганы и городища.

1. Палеолит Калужской губернии.

Существования палеолитических памятников в пределах Калужской губ. не обнаружено. „Палеолитическая стоянка“ у д. Степино, Козельского у., „открытая“ И. Д. Четыркиным, должна быть отнесена к недоразумениям. Материал, хранящийся в Калужском Губернском Историческом Музее, не позволяет сделать вывода о палеолитической давности этой стоянки.

2. Неолит Калужской губернии.

Памятникам неолитической культуры не было посвящено сколько нибудь целостного внимания—мы имеем только отрывочные данные о случайных находках в разных местах, материал не систематизирован, научно не определен. Из прежних работников в этой области надо отметить Булычева, Литвинова, Четыркина, Ассонова В. И. Апухтина, Гончарова. Ими собраны незначительные коллекции, пережившие грустную историю реформ и пересоставлений и в своем уже жалком виде дошедшие до залы Губернского Исторического Музея. В последнее время местным неолитом интересовался В. В. Ассонов. Им подобран материал к палеоэтнологической карте и совершен ряд археологических разведочных экскурсий.

3. Курганы и городища.

Означенные памятники доисторического быта привлекали к себе внимание целого ряда местных краеведов, начиная с местных дворян-помещиков. Памятники эти надо считать наиболее исследованными из всех, имеющихся в Калужской губ.

Работниками бывшей Калужской Ученой Архивной Комиссии—Булычевым, Четыркиным, Тепловым, Гендуне, Кошкорёвым, Ассоновым, Трейтером было раскопано значительное количество этих памятников. На первом месте надо поставить раскопки Н. И. Булычева, уничтожившие огромное количество памятников старины и имевшие главной целью количество музейных предметов и возможность прекрасных изданий. Методологическая сторона этих раскопок чрезвычайно слаба.

Раскопки Ю. Г. Гендуны и Теплова, давшие материал по ряду городищ, надо считать наиболее научными. Раскопки других лиц имели характер случайный. Раскопки последних лет, ведшиеся перед войной 1914 г. Вл. В. Ассоновым (от Моск. Археолог. Института), В. А. Городцовым и К. Я. Виноградовым (Рос. Истор. Музей), в последние годы дали ряд интересных материалов, особенно работы последних исследователей.

В отношении городищ и мы имеем целый ряд памятников, начиная с интересных костеносных городищ—городищ Дьяковского типа, и кончая городищами XII века; в отношении курганов наибольший интерес представляют собою курганы финские и несколько меньший—славянские. В настоящее время В. Г. Поповым (членом Калужского Об-ва Древностей) и Вл. В. Ассоновым подбирается материал для составления археологической карты Калужской губ., в которой долженствуется полностью отразиться состояние палеоэтнологических сведений по краю до последнего времени.

Археологические памятники Брянской губернии.

Брянский край имеет свою очень красочную историю, но еще богаче он по своей до-истории. Если в истории России нельзя обойти молчанием такие города нашего края, как Брянск, Карачев, Севск и Трубчевск, громко заявляющие о своем прошлом, то до-история края остается темной. Ею интересовались чрезвычайно мало и только в 1926 г. Брянску выпало счастье видеть у себя ученых специалистов, привлеченных открытой палеолитической стоянкой в с. Супоневе.

Правда, бывали и раньше попытки приподнять завесу над далеким прошлым края, но эти попытки были так спорадичны и так мало привлекали ученых археологов, что результаты, достигнутые ими, весьма незначительны. Из лиц, известных в археологическом ученом мире, работали в пределах нынешнего Брянского края Н. И. Булычев, проф. Самоквасов и П. М. Еременко. Время от времени наезжали члены ученой Орловской Архивной Комиссии. Но все эти работы имели или рекогносцировочный или эпизодический характер; систематической работы не велось. А, между тем, край заслуживает самого серьезного внимания. То обстоятельство, что край и до сего времени сохранил характер лесного (несмотря на беспощадное уничтожение лесов), дало возможность уцелеть громадному количеству курганов, городищ, селищ и стоянок, нашедших защиту под покровом наших дебрей. Брянский Музей тщательно собирает все сведения о нахождении в пределах губернии археологических памятников. Все эти сведения тотчас же наносятся на карту.

Уже в настоящий момент, при далеко незаконченном обследовании губернии, реки на карте представляются в виде ожерелий, тесно унизанных памятниками старины. Еще недавно полагалось, что наибольшее количество памятников располагается вверх по течению р. Десны от Брянска. Карта, составленная Брянским Музеем, красноречиво доказывает это заблуждение, основанное на близости реки к железной дороге на указанном участке. На деле получается совершенно обратное: чем дальше от железной дороги, тем больше памятников. Притоки: Болва, Ветьма, Ревка, Навля и Нерусса не уступают в этом отношении Десне. Но как ни велико количество памятников, число их быстро уменьшается за последнее время. С вырубкой лесов многие курганы и городища оказались под пашней. Рас-

пашка их производится чрезвычайно интенсивно. Год от года плуг срезает основание кургана, а дождь, снег и ветер продолжают дело разрушения. От этой причины уже много курганов погибло и еще большому количеству предстоит погибнуть. Другими врагами курганов являются реки, особенно во время половодья. Вода подмывает берег, и курганы валяются в реку. Это особенно наблюдается на р. Ветьме. Казалось бы, необходимо было принять меры к спасению содержимого курганов. Но законы по охране памятников древности так строги, что нам, местным работникам, приходится с грустью наблюдать картину разрушения и не иметь возможности спасти хотя бы то, что неминуемо должно погибнуть для науки. Часто бывает необходимость принять экстренные меры, чтобы успеть вскрыть курган, сносимый рекой или распахиваемый крестьянами, но этого сделать мы не можем, т. к. должны запросить разрешение Главнауки. Когда же ответ от Главнауки последует, то делать уже нечего: не только кургана, но и места того, на котором он стоял—нет. Река не ждет, и крестьянину пуд хлеба дороже всех наук.

В нашем крае можно проследить развитие человеческой культуры, начиная от палеолита и до 17-го века включительно. Палеолитическая стоянка имеется пока еще одна в с. Супоневе. Но нет сомнения, что в ближайшем будущем будут нащупаны еще и другие. Неолит от раннего до позднего находится повсеместно. Ими насыщены берега рек: Десны, Ветьмы, Болвы, Навли. На Брянских городских лугах, в виду города, имеются 2 неолитические стоянки; в Бежице—2. Настоящее сообщение не имеет в виду перечислять их все. Для этого пришлось бы зачитать длинный список. Но не меньше у нас и городищ. В наших городах древнейшая их часть представляет остатки городищ, а в Севске и Трубчевске даже сохранила название „городков“. Городище Вщижское и под Брянском „Чашин курган“ в с. Городище—известны в литературе. Остальные разбросаны повсюду. Некоторые связываются с именем легендарного разбойника Кудеяра, другие, как, напр., под г. Жиздрой, приписаны укреплению князя Серебряного, а под Дубровкой носит название „Арабского городка“. Не мало у нас и селищ. Особенный интерес вызывают два костеносных селища, это в г. Хотылеве, так называемая Кудельярова гора и селище в д. Зимницкой Слободке.

Металлических орудий медного века обнаружить не удалось. Причина этого кроется, вероятно, в неумелом подходе. Памятники Фатьяновской культуры имеются, и находки части из них принадлежат Брянскому Музею. Кремневые клинья, полированные молотки и круглодонные сосуды были находимы в Бежецком уезде в с. Красном, Выгоничской волости, в поселке Новое Загорье, Салынской волости, у д. Чепенечи, Дубровской волости, в д. Речицы Овстугской волости. Кроме них необходимо вспомнить и известные Брасовские находки. Круглодонный сосуд

из Брасовского могильника, поступивший в свое время к бывшему великому князю Михаилу, хранится теперь в Брянском Музее.

На курганах я долго останавливаться не буду, т. к. исследование их производилось очень слабо и не по вине Музея. В курганах обычны погребения в вытянутом положении, головою на запад, но нередко и на восток. В мужских погребениях кроме горшка в ногах не находилось никаких других предметов. В женских находили горшок, височные кольца из проволоки, крученые браслеты и кольца, бусы из мастики, сердолика и хрустала, бубенчики. Инвентарь курганов не отличается от инвентаря курганов смоленских кривичей.

Случается, что крестьяне выпахивают железные орудия в виде ножей, топоров, мечей и стрел. К сожалению, эти находки редко доходят до Музея. Пока имеется только один боевой топор X в., найденный на берегу р. Навли в урочище „Ходуля“, близ ст. Навля М. К. В. ж. д. и один наконечник стрелы (близ Бежицы). Клады в нашей губернии—вещь обыкновенная. Немало, благодаря этому обстоятельству и кладоискателей, настоящих разрушителей курганов и городищ.

Обычными кладами являются небольшие кубышки, величиной с кулак, наполненные мелкими серебряными монетами времен царей Михаила и Алексея. Но встречаются клады и более древние. Так, в с. Аладьино б. Трубчевского уезда был найден клад с монетами Новгородскими и Псковскими времен их независимости, времен Ивана III и Василия III. Все эти монеты, несмотря на крайние даты, превышающие 100 лет, заключались в одной кубышке. К сожалению, в Брянском Музее имеется только часть этого клада, другая, меньшая часть, находится вместе с кубышкой в Трубчевском Музее, а наибольшая часть находится у частного лица.

Интересный клад был выкопан в с. Молфа Бежицкого уезда. От кубышки удалось спасти только три черепка. Клад состоит из сорока арабских диргемов, 2-х серебряных гривенок в виде сургучных палочек, 2-х серебряных серег радимичского типа, 2-х кованых серебряных браслетов, 1 серебряного ажурного перстня новгородского типа, серебряной проволоки 2 мм. толщины и нескольких медных чеканных дробниц сердцевидной и криновидной формы. Большая часть этого клада хранится в Брянском Музее. В Брянске же хранятся и несколько чешских монет, найденных в пределах города и уезда, а в Трубчевском Музее имеется римская монета времен Империи, найденная под Трубчевском.

Смею надеяться, что мое скромное сообщение в кругу специалистов вызовет интерес к нашему забытому краю. Думаю, что разочарования не будет. Наш край в целом есть музей не только археологический, но и этнографический.

Я имел удовольствие познакомиться с музейным работником г. Москвы Н. И. Лебедевой, посетившей наш край с целью собирания этнографического материала. Она проработала в Брянской губернии 2 летних сезона. Ее восторгом к нашей живой старине заражались и мы, местные музейные работники. Во время своих этнографических экскурсий она не могла не заметить и наших археологических богатств. Призываю ее в свидетели того, что все мною доложенное на конференции, не содержит в себе решительно никакого преувеличения. Мне так досадно, что у меня не хватает для убедительности ни звенящих слов, ни ярких красок, которые могли бы дать почувствовать совещанию весь аромат нашей старины.

Наши названия рек, сел, городищ и урочищ—полны внутреннего глубокого значения и могут навести на размышления не только археологов, но и историков, и этнографов. Название городища „Арабский городок“ и находка в с. Малфа клада с арабскими диргемами не указывает ли на существование былого торгового центра. Реки: „Немерь“, „Немерка“, село „Немиричи“ не намекают ли на финское племя Мерю, границы бытования которых пока еще точно не установлены. Название сел: „Возглянье“, „Голяжье“—не вызывают ли в нашей памяти литовского племени „голяди“. Наконец, река „Нерусса“, несмотря на свое русское название, не указывает ли, что осевшие по ней в былые времена племена не принадлежали к русским. Только совместная дружная работа и историка, и археолога, и этнографа в состоянии пролить свет на богатое прошлое нашего края. Нужен очень вдумчивый и умелый подход к разрешению загадки прежних дней. Такая задача не по плечу местным работникам. Разрешить ее смогут только люди науки высокой квалификации. У них же надеемся поучиться и мы, чтобы с своей стороны внести хотя бы скромную лепту в общую сокровищницу науки.

Брянский край давно с нетерпением ожидает своей очереди, а Брянский Музей обещает с своей стороны все, что он в состоянии дать для облегчения работы ученых специалистов.

Археологические памятники Смоленской губернии.

Смоленская губерния одна из богатейших в России археологическими памятниками. В ней зарегистрировано для археологической карты уже около двух тысяч селений, близ которых имеются те или иные археологические памятники. Один Гнездовский могильник под Смоленском, с большим количеством городищ в его районе, по количеству курганов стоит на первом месте в России. В нем когда то было не меньше пяти тысяч курганов, от которых и до сего времени уцелело 3862 ¹⁾.

Несмотря на такое обилие памятников в крае, они почти еще не изучены и, в особенности, стоянки, городища и селища. Накопившийся за последние три года работ материал и позволяет ныне остановиться на последних трех видах памятников, включая и данные о Фатьяновской культуре.

Каменный век.

В Смоленском у. близ дер. Гамково, ст. Катънь, в овраге, мною с геологом проф. А. Б. Костюкевичем и А. Ф. Палашенковым, обнаружены следы первой в крае стоянки верхнего палеолита. Предполагаемая стоянка залегает на глубине до 2,5 м. в лессе. Здесь *in situ* и во вторичном залегании найдено много целых и расколотых костей, главным образом, носорога. Начиная с 1909 г. и до последнего времени в этом месте разные лица находили весною кости, и были найдены 2-3 черепа волоса того носорога (хранятся в Смоленском Музее и в геологическом кабинете Смоленского университета). Находили с костями и кремневые осколки. Требуется дальнейшие обследования.

Из ранне-неолитической культуры, т.-е. стоянок с микролитической и макролитической индустрией, памятников в крае еще не обнаружено. Зато поздне-неолитических стоянок открыто числом до 21, а именно: в Смоленском у. близ ст. Катънь на р. Катъни, у Купринского оз., д.д. Гнездово, Н. Немыкарей и Б. Немыкарей, д. Заборья (все четыре на Днепре) и у д. Гололобово на р. Малый Вопец—в Рославльском уезде: на р. Десне близ слободы Трояновой и с. Якимовичей; в Вяземском у.: на р. Вязьме, близ д.д. Боровщины, Литвинова и Артемовки; в Дорогобужском у. (открыты Н. И. Савиным): в г. Дорогобуже, близ

¹⁾ А. Н. Лявданский. Материалы для археол. карты Смол. губ. (с планами городищ и археол. картой Гнездова). Труды Смол. Гос. Музея, в I, 1924 г.

оз. Каруто под Дорогобужем, близ д.д. Хатычка, Бизюково, Алексейково, Бобоедово (все четыре на Днепре ниже Дорогобужа), Хралапово и на р. Угре при впадении в нее р. Бороны. Имеются еще и непроверенные сведения о других стоянках, напр. близ озер Шесно и Белисто Бельского у.; близ оз. Каспли Демидовского уезда и другие.

В некоторых из выше перечисленных стоянок найдено много обломков посуды и кремневых орудий.

Особый интерес представляет неолитическая стоянка близ д. Н. Немыкарей (ст. Рябцево Орлово—Вит. ж. д.), открытая мною в 1925 г. Расположена она на дюне правого берега Днепра и занимает сравнительно небольшую площадь. На стоянке обнаружены мною в песке два глинобитных (обожженных) кругловатых очага ($7,3 \times 9$ и $5,4 \times 7,2$ м.) с приподнятой в центре воронкой—(в виде кратера вулкана) для костра. На очаге № 1 и вокруг при раскопках и обследовании найдены куски обожженной глины с отпечатками хвороста и палок, которые указывают на то, что очаги эти являются полом шалаша. Вокруг очага № 1 найдены черепки с однообразным зубчатым вместе с ямочным орнаментом, кремневые полированные клинья, стрелки, скребки, пластинки и много осколков в виде чешуек и пр. ¹⁾.

Фатьяновская культура.

Следы Фатьяновской культуры в Смоленской губернии до недавнего времени можно было видеть лишь в случайных типичных для данной культуры находках каменных орудий. В настоящее же время имеются несомненные следы могильника и подлинно Фатьяновской культуры. Могильник открыт случайно при земляных работах в д. Печкурах, Рославл. у. Здесь, на возвышенном песчаном берегу речки, на глубине до 1 метра найдено много глиняной посуды, каменных топоров и кремневых клиньев. В одном месте найден череп с остатками ручных костей, вокруг которого обнаружено, кроме топоров, клиньев, точильного бруска, до 20 янтарных подвесок; к сожалению, вся посуда была уничтожена, а потому форму ее установить не удалось. Судя по веревочному орнаменту двух с трудом найденных черепков, мы здесь имеем какую то разновидность Фатьяновской культуры ²⁾.

Городища.

В Смоленской губернии уже зарегистрировано свыше 400 городищ, из коих около 120 падает на Смоленский уезд. При изучении их выяснилось, что они относятся к разным временам и

¹⁾ Изданы в той же работе с рисунками орудий и обломков посуды.

²⁾ Материалы всех перечисленных выше стоянок, случайные каменные орудия (свыше 200), список мест (до 60) нахождения костей мамонта, носорога и др. животных издаются в Общественно-Гуманитарном выпуске Научных Известий Смол. Гос. Ун-та (с 22 таблицами рисунков).

культурам. Поэтому все городища по месторасположению, размерам, форме и находкам можно разделить на 5 групп.

Из них самой многочисленной и наиболее интересной является первая группа, к которой относятся городища древнейшего (ранее VIII в.) происхождения. Длина площадок их от 20 до 70 м. при меньшей ширине. По форме и размерам они очень близки к городищам Дьякова типа, но по культуре их скорее можно отнести к литовским. В них совершенно не имеется посуды с сетчатым и т. п. орнаментом, которая встречена в финских и прочих городищах Центральной России. По культуре и другим признакам они почти совершенно одинаковы с подлинно литовскими городищами Литвы, Минщины и Витебщины.

При колонизации славянами территории современной Великой-русии, в том числе и Смоленщины, городища были использованы ими для своих целей. Поэтому во многих городищах данной группы мы видим второй культурный слой с типично-славянской гончарной посудой, сменившей, вместе с насельниками, древнейшую лепленную. Образцом таких городищ с двойным наслоением культур может служить Ковшаровское городище на р. Соже, Смоленского у. При раскопках его найдено большое количество предметов в верхнем слое XI—XII в.в. и меньше в нижнем наслоении до-славянской культуры.

Ко второй группе относятся овальные городища, по размерам одинаковые с предыдущими, но отличающиеся от первых слабым укреплением и естественно выпуклой площадкой, на которой совершенно отсутствует культурный слой. На них очень редко можно встретить два-три черепка лепленной посуды, одинаковой с посудой предыдущих городищ. Повидимому, они имели какое-то иное назначение, чем городища первой группы. Таких городищ в Смоленщине обнаружено меньше десятка.

К третьей группе отнесены мною миниатюрные (от 19-30 м.) городища в большинстве круглой и реже овальной форм. Расположены они близ болота или в болотах и имеют в большинстве менее двух метров высоты от подошвы. Вогнутая площадка окружена одним-двумя валами, сложенными иногда из обожженных кусков глины. На площадке имеется иногда прослойка золы и углей и изредка каменная кладка. Черепки, кости и предметы вовсе отсутствуют. Близ некоторых городищ встречаются селища с лепленной и более поздней гончарной славянской посудой, назначение этих городищ исключительно обрядовое; время возникновения ранее VIII в. Городищ данной группы известно до 15.

К четвертой группе относятся довольно крупные (от 100-170 м. в длину, при меньшей ширине) городища треугольной и изредка овальной форм. Два из них находятся в Гнездове и датируются

²⁾ Работа моя о городищах напечатана в Науч. Изв. Смол. Гос. Университета, т. III, в. 3 за 1926 г. под назв. „Некоторые данные о городищах Смол. губ.“ (с 60 рис. и 12 табл.).

диргемами X—XI в.в. В них находят предметы и XII—XIII в.в. Такие же городища имеются в городах Ельне и Рославле. Обследовано мною два городища (в мм. Заславле и Семкин-Городок, Минского округа) славянского происхождения (X—XI в.в.) и меньших размеров (70×74 и 54×70 м.), которые можно отнести также к этой группе.

К пятой группе относятся городища больших размеров (от 170 м. в длину и выше) произвольной формы в зависимости от очертаний большого мыса. Такие городища известны пока в м. Логайске и д. Понизовье Минского окр. Время их возникновения не ранее XII в. и не позднее XV ст. Назначение—военное.

К шестой и последней группе мною отнесены военные (времен усиления огнестрельного оружия) укрепления четырехугольной формы с бастионами по углам, называющиеся иногда в народе городками. Имеются они под Смоленском и датируются документами 1634 г.

Селища.

Селищ в губернии зарегистрировано (и частью обследовано) несколько десятков. Находятся они как близ городищ так и вдали от них. В большинстве селища—славянского происхождения (например, Гнездовское, X—XI в.в.), но есть несколько селищ и более ранних, тождественных по культурам с городищами первой группы.

Таковы краткие данные о проделанной работе по учету, обследованию и изучению археологических памятников в Смоленской губернии. Сюда, конечно, не вошли сведения о новых работах и, главным образом, о раскопках курганов.

Об археологических памятниках Бельского уезда Смоленской губернии.

На громадной территории Бельского уезда, изобилующего реками, имевшего в свое время волоки в важнейшие системы Зап.-Двины, Днепра и Волги, искони богатыми лесами, много имеется разнообразного археологического материала.

Богат он памятниками как историческими в виде множества разного рода курганов, в большинстве славянских, а может быть, частью, и финских, ибо за пребывание здесь мери говорит немало данных хорографической номенклатуры, так и доисторическими.

Наличие доисторических памятников доказывается многочисленными находками (каменных ножей, скребков, наконечников стрел, нуклеусов, находимых, кстати сказать, чаще всего не в результате исследовательских изысканий специалистов и даже любителей, а совершенно случайно). Известны в крае также городища, расположенные, главным образом, по берегам рек.

Из городищ наибольшей грандиозностью отличается Шоптовское. Находится оно в северо-восточной части уезда, в 30 верстах от г. Белого, в 1/4 вер. от сел. Шоптова, Глуховской вол., на левом берегу реки Лучесы. Это городище продолговатой формы имеет около километра окружность основания. Наибольшая его высота над уровнем воды до 25 метров. Городище имеет вход с востока, и вытянуто в виде длинной стрелки—ок. 35 метров длиной. В восточной своей части, покрытой местами еловым лесом, оно находится в полной сохранности. В северной части, по склону, оно разрушается от систематического изъятия земли на запруду мельничной плотины, находящейся тут же у подошвы городища. Против мельницы все городище в поперечном направлении перекопано, хотя и далеко не до основания, однако, здесь образовалось как бы ущелье, по которому пролегает пешеходная тропинка. Говорят, что в XVI в. в этом проходе стояли монастырские ворота, открывавшие вход в монастырь, который находился на месте нынешнего села. Вообще же о всем городище существует предание, что оно некогда играло роль военной крепости. Допустить некоторую справедливость такого предания вполне возможно, ибо данная местность с XIV века до половины XVII в. не раз являлась ареной военных действий, как и район самого города Белого, защищавшего

подступы к Москве и к Тверской области. Однако, можно сказать с несомненностью, что происхождение данного памятника относится ко времени более далекому.

В 15-ти верстах от Шоптова в восточном направлении, в Глуховской же волости, на правом берегу Лучесы, при впадении в нее Пшенки находится Устинское городище. Оно расположено в полуверсте от имения Устинка и большой дороги, идущей из Белого в г. Ржев. Его окружность—около 350 м., форма удлиненная, вытянутая параллельно течению речки Пшенки, которая впадает здесь в р. Лучесу. С востока и запада городище обрамлено оврагами. Шурфованием, правда, весьма неглубоким, не свыше метра, только в одном месте удалось установить присутствие культурного слоя, залегавшего начиная от глубины в 6—8 сант. Местного предания о прошлом данного городища не существует. Находится оно в полной сохранности.

В Татевской лесной даче той же Глуховской вол. есть несколько искусственных земляных сооружений длиною до 100 и более метров, в поперечнике до 15-ти метров, при незначительной высоте в $1\frac{1}{2}$ —2 м.

Совершенно не обследованное городище довольно значительных размеров—по об'ему и высоте—находится в Шиздеровской волости, на берегу Шмелевки и поймы реки Обши, в $1\frac{1}{2}$ —1 в. от Ржевского большака, приблизительно верстах в 27-ми от г. Белого.

Не мало разного рода археологических памятников и в других местах уезда. Памятники эти не только не изучены, но, в большинстве случаев, и не обследованы. А можно с значительной уверенностью полагать, что они таят в себе ценные археологические материалы.

Тверская губерния в палеоэтнологическом отношении.

Тверская губерния в палеоэтнологическом отношении исчерпывающим образом описана проф. А. А. Спициным¹⁾.

До сих пор в губернии не обнаружено следов палеолитического периода. Но остатки современника древнего человека-мамонта в губернии найдены во многих местах, и каждый почти год в губернии то там, то здесь эти остатки появляются на свет при разного рода земляных работах. В Тверском музее костей мамонта имеется не мало.

Неолитический период представлен в губернии очень богато и разнообразно. Орудия кремневой индустрии Тверского неолита относятся и к самой ранней поре этого периода и к самому позднему времени. Тверское течение Волги является местом, где, главным образом, сосредоточены памятники ранней неолитической культуры — тверские макролиты. Орудия этой поры имеют много общего с палеолитическими находками и своими формами (близкими к шельским и мустерским) как будто восстанавливают старые типы; но палеолитический возраст их в настоящее время отрицается всеми нашими палеоэтнологами²⁾. Они отличаются грубой техникой, большими размерами и бедны формами. Кроме Тверского Музея большие собрания макролитов находятся в Историческом Музее в Москве, в Антропологическом Музее Академии Наук, в Полтавском Музее. В последнее время установлено, что памятники макролитической индустрии распространены в Западной Европе (на северо-западе) и у нас в России всюду. Макролиты в Тверской губернии сопровождают весь период неолита, кончая самой поздней его порой.

Неолит средней и поздней поры этого периода высокой техники и разнообразных форм обнаружен в губернии преимущественно в Озерном крае, но встречается и в других местах. С большой вероятностью можно думать, что губерния в эти поры была уже в достаточной степени заселена. Тверской неолит слагался под влиянием двух сильных течений, с северо-

¹⁾ Описание Тверской губ. в археологическом отношении. Зап. Русс. Археол. О-ва. Т. IX, в. 1; Бежецкий край. Сборник. Бежецк. 1921 г. стр. 1—20; Ржевский край. Сборник № 1. Ржев 1926 г. Стр. 157—171.

²⁾ П. П. Ефименко. Некоторые находки каменных орудий в Тверской и Новгород. губ. и их место в системе европейской палеоэтнологии. Стр. 74, 79. Проф. В. А. Городцов полагает, что макролиты появились впервые на рубеже ранней и средней поры неолита, широкое же распространение макролитическая индустрия получила в среднюю пору неолитической эпохи. Археология, т. I. Стр. 328—340.

запада—Новгородского и с юга-запада—Смоленского; с Новгородским и Смоленским краем Тверской очень близко связан прекрасными водными путями.

Следы Фатьяновской культуры отмечены во всех уездах губернии в лучших совершенных образцах. Проф. А. А. Спицин говорит, что целая треть всех известных могильников и местонахождений этой культуры приходится на Тверскую губернию и большею частью на ее северную половину.

Следующая по времени культура с преобладанием изделий из кости, до последнего времени мало известная в губернии, недавно (в июле 1926 г.) открыта в торфяниковой стоянке Кашинского уезда (Языковская стоянка). Костяные орудия этой стоянки поражают своей художественной отделкой и необычайным разнообразием; керамика отличается красотой орнаментальных мотивов. Наравне с костью в стоянке найдены прекрасные шлифованные орудия (без сверления). На немногих костянных орудиях имеется гравированный орнамент. Инвентарь находок сближает эту стоянку с Прибалтийскими.

После темного в палеоэтнологическом отношении периода следующими памятниками являются древности финской культуры, относящиеся к VI—VIII векам. Это — городища Дьякова типа. Всех городищ в губернии зарегистрировано около сотни, в том числе финские и славянские.

К IX—X вв. относятся памятники, которые приурочиваются к норманнам. Находятся они в северной части губернии и состоят из высоких крупных курганов, при основании выложенных валунами или известняковыми плитами. Они не всегда дают находки; погребения в них с сожжением; прах покойника заключен иногда в глиняной урне, иногда же просто в земле близ вершины насыпи, в середине, или же на материке.

В западной части губернии имеются удлиненные и длинные курганы с сожжением и вещами, указывающими на литовское культурное влияние.

Главная масса курганов губернии датируется XI—XIII веками; принадлежат они кривичам и являются памятниками славянской колонизации края. Всех зарегистрированных курганов в губернии значится свыше трех тысяч; из них раскопано около 50%. Расположены они по водным путям или вблизи их; Днепр-Вазуза-Волга, Двина-Волга, реки и озера, связывающие Тверской край с Новгородом, Волга и ее главные притоки в пределах губернии.

За годы революции раскопок в губернии произведено было мало и новых заметных явлений в области палеоэтнологии замечено не было. Внимание музея было направлено в сторону пропаганды идеи о необходимости охранять палеоэтнологические памятники, для чего Музей неоднократно практиковал выезды для показательных раскопок вместе с учащимися и разными организациями. Такие раскопки сопровождались беседами о значении памятников и о задачах и целях палеоэтнологии.

Каменный период под городом Ржевом, Тверской губ.

(Тезисы доклада)

1. История вопроса.

Первым, выявившим пребывание человека каменного периода под Ржевом, был местный любитель археолог П. Ф. Симсон, начавший собирать каменные поделки по берегам Волги с 1901 года. Им орудия отнесены к палеолиту.

Другие исследователи—Айлио, Криштафович, Савенков и др. До 16—17 г. г. нынешнего столетия раскопок не производилось.

2. Выводы.

Установлены докладчиком еще на основании раскопок 16—17 г. г. близ д. Юрятино (мастерская) и д. Оноки, а также по постоянно находимым на обоих берегах Волги в значительном количестве различным поделкам и по материалу, собранному П. Ф. Симсоном.

Индустрия состоит из кремневых (бурый, розовый, серый, черный кремь) lames, скребков, проколов и пр. Руководящие формы: pic и „tranchet“.

Размеры крупные—(макролит).

Керамика отсутствует.

Время культуры—неолит.

[3. Места хранения собраний данной индустрии.

Ржевский Государственный музей; Тверь—музей; Ленинград—Академия Наук; Москва—коллекции Е. Н. Басовой.

4. Иллюстрация доклада кремневыми поделками из коллекции докладчика.

5. Желательность и необходимость дальнейших изысканий в этой области и связанные с этим задачи краеведчества.

Археологические исследования в Рязанской губ.

Археологические исследования в Рязанской губернии приняли более или менее планомерный характер, после учреждения Архивной Комиссии (1884), которая организовала Историко-Археологический Музей и почти ежегодно производила раскопки. Из числа ее работников выделялись археологи: В. А. Городцов, А. В. Селиванов и А. И. Черепнин.

Предметом исследования служили, главным образом, финские и славянские древности. Из исследованных финских могильников надо указать на Борковский, Кузьминский и Курманский, а из славянских—на городище Старую Рязань. Обширные коллекции, добытые с этих памятников, находятся в Рязанском Музее.

После революции, когда Архивная Комиссия была ликвидирована, а новые исследовательские учреждения задалась задачей всестороннего изучения края, археологические работы были несколько сокращены.

Однако, и в революционный период был произведен ряд раскопок, из которых надо отметить исследования Н. И. Лебедевой культур раннего железа и П. П. Ефименко—финских могильников.

В перспективе можно ожидать развития археологических работ, т. к. помимо Рязанского Государственного Областного Музея, предполагающего предстоящим летом начать систематические раскопки Старой Рязани (совместно с Государственным Историческим Музеем), по губернии имеется семь местных краевых музеев и краеведческих обществ, которые часто проявляют интерес к вопросам археологии и, по крайней мере, собирают и берегут все случайные находки. Вместе с тем они отчасти, осуществляют охрану археологических памятников.

Новая культура бронзовой поры в бассейне р. Оки на озере Подборном близ г. Касимова Рязанской губ.

Названная мною предварительно „Подборной“ культура, представлена пока почти исключительно керамикой и небольшим количеством кремневого материала, извлеченного из культурного слоя стоянки. Первые сведения об этой стоянке были получены от завед. Касимовским Музеем И. А. Китайцева, которым весной 1924 года во время археологической разведки было найдено на поверхности несколько черепков от крупных сосудов своеобразной выработки с пояском ямок, вдавленных изнутри. В том же году Н. И. Лебедевой на стоянке было заложено несколько разрезов и обнаружен культурный слой до 1 метра мощностью, содержащий керамику, полуистлевшие кости животных и редкие осколки кремневых орудий. Сопоставив найденные образцы с материалами В. А. Городцова из Алеканова, Н. И. Лебедева тогда же правильно отнесла новую культуру к концу бронзы¹⁾. Летом 1925 г. мною, совместно с Н. И. Лебедевой, при участии А. М. Россовой-Куфтиной, И. А. Китайцева и А. А. Мансурова раскопки были продолжены и выяснены границы стоянки протяжением около 200 метров. Расположена стоянка на правом берегу р. Оки, в 3-х верстах от г. Касимова, против д. Поповской, по северо-восточному обращенному к Оке краю обширного ограниченного пойменными озерами (Подборным, Межубря и Черным) песчаного суходола „Малый Бор“, в своих высоких частях не заливаемого весенним разливом и образующего вторую речную террасу от 5 до 12 метров высоты над обычным уровнем реки. Исследование велось послойной разработкой площадок, создавших в общей сложности траншею вдоль самой террасы, протяжением 35 метров, шириною от 2-х до 3-х метров, глубиной от 1,5 до 1,7 метра. Культурный слой мощностью до 1,5 метра довольно ровно окрашен в верхней толще в сыром виде в черный цвет, в нижней, отделенной от верхней часто прослойками угля, в темный-коричневатого оттенка. Следов жилищ обнаружено не было. Вследствие плохих условий консервации костный материал сохранился плохо.

¹⁾ Вестник Рязанских краеведов. 1925 г. № 1, стр. 3.

Костяных поделок нет, а кухонные отбросы представлены исключительно зубами лошади, коровы, лося и свиньи. Металла не найдено, но косвенным свидетельством о его существовании в культуре является бедность и однородность кремневых поделок. Кремневый материал неравного качества различных тонов (от черного, красновато-желтого до полупрозрачных светлых оттенков). На готовых орудиях нередко сохраняется корка и обточенная водой поверхность речной гальки. Обработка часто грубая: форма орудия определяется иногда несколькими крупными отколами и ретушью рабочего края, но попадаются и тщательно со всех сторон отжигом отделанные орудия. Инвентарь представлен долотовидными скребками с высоким рабочим краем, отбитым удлинненными фасетками, сверлами, ножичками и пилками из трехгранно-призматических пластинок с ретушированными краями, а иногда и спинкой, наконец, плоскими всесторонне—отделанными стрелками, вытянуто—треугольной формы с прямым основанием.

Главное содержание стоянки составляет керамика. Керамика представлена: а) посудой, главным образом в обломках, часто довольно крупных и дающих возможность склеить значительные части сосуда, б) игрушечными моделями сосудов и в) техническими предметами (пряслицы и грузики). Посуда исключительно с плоскими днищами, большею частью баночной и баночно-горшковидной формы с широким горлом и сравнительно слабо выраженными плечиками, но иногда с довольно выпуклыми стенками. Размер таких сосудов часто довольно крупный (20—30 см. в диаметре). Глина грубоватая, но без особо заметных примесей. Формовка умелая, но не тщательная. Края горла прямые, иногда слегка раструбом, нередко утолщенные и отвернутые кнаружи. Толщина стенок колеблется в среднем от 0,5 до 1,5 см. Обжиг не сильный, неровный (хорошо звенящих черепков не дает). Цвет глины большею частью серый и желтовато-серый, очень редко встречается красноватых оттенков. В общем заметна зависимость цвета посуды от окраски культурного слоя в более или менее темный цвет. Поверхность сосуда снаружи часто несет следы характерной бороздчатости как бы от вытирания вылепленного сосуда пучками сена или плоско приложенной гребенкой.

Орнаментация сосуда отличается чувством формы, декоративностью, уверенностью, но не всегда тщательна. Орнамент поясковый покрывает только верхнюю часть сосуда и спускается с плечиков бахромой из городков и клиновидных выступов. Редко имеется пояска и у самого днища. Орнаментальная линия большею частью фрагментарна. Состоит из ямок, вдавленных гребенчатым и острореберным штампом и нарезок иногда, повидимому, металлическими орудиями. Встречается, однако, и сплошная линия, отпечатанная витой веревочкой, чаще всего вокруг горлышка в виде прямых поясков. Кривой линии вообще в ор-

наменте Подборной культуры нет. Линейные композиции иногда довольно сложны. Особенно характерно развитие меандровых форм. В простейшем случае украшение сосуда состоит только из ободка горошковидных выпуклин вокруг горлышка. Получаются горошки выдавливанием ямок изнутри сосуда, напоминая как бы технику выдавливания по металлу. К ободку из горошин присоединяется часто ниже его широкий зигзаг, нанесенный гребенчатым штампом или нарезками. На сосудах небольшого размера приходящийся обычно на плечи меандровый пояс, усложняясь, расширяется иногда на весь кузов сосуда. Изредка орнаментируется и дно, тоже иногда меандровым рисунком.

Особняком стоит среди описанной керамики фрагмент небольшого острореберного (биконического) сосуда тщательной выработки. Композиция орнамента та же, но встречается элемент, отсутствующий на остальной керамике. Уголково-треугольный штамп. Возможно, этот сосуд привозной.

Игрушечные модели обычно размером 3—4 см., грубовато сделанные, хорошо передают баночную форму крупных сосудов и украшены нарезками по краю горлышка, а иногда и по ребру дна, что наблюдается и у кухонных сосудов.

Пряслицы среднего размера украшены иногда ямочками. Грузики напоминают пряслицы, но значительно более массивны, в виде довольно высоких цилиндров слегка конической формы с круглым отверстием посередине. Вместе с веревочным орнаментом они свидетельствуют о развитии текстильного производства.

Датировка культуры, несмотря на недостаточность культурного инвентаря, может быть сделана довольно отчетливо. Культурный слой в общем однороден, хотя и устанавливаются подсчетом черепков перемены орнаментальных приемов в нижних и верхних слоях. В общем, характер керамики и кремневой индустрии (напр., треугольные стрелки) позволяют включить Подборную культуру в одну группу с срубной и родственной ей Хвальнской культурой. Связь с срубной подчеркивается особенно острореберным сосудом. Выделяется „Подборная“ культура богатым развитием меандрового узора, который вместе с некоторыми другими деталями в орнаменте и обработке сосудов сближает ее с Сибирской (доходящей до Урала) культурой, соответствующей, по видимому, срубной и названной С. А. Теплоуховым Андроновской¹⁾. Отличает Подборную от Андроновской большая тщательность и дифференцированность орнаментальных приемов в последней, сообщающие ей особый стиль (характерны, например, комбинации из косо зачерченных треугольников), довольно однородный от Байкала до Южного Урала. Однако, генетические связи Подборной культуры не могут еще

¹⁾ Теплоухов С. А. Палеоэтнологические исследования в Минусинском крае. Этнографические экспедиции 1924—1925 г. стр. 90. Ленинград 1926

считаться достаточно ясными. Не исключается возможность и сближения ее с некоторыми синхроничными срубной культурой Кавказа.

Включение Подборной культуры в указанный круг ставят ее в положение хронологически более молодой, чем Сейменская, и приближают ее по времени к культуре младшего Волосовского могильника, особенно, Алканова, с культурой которого имеются отмеченные Н. И. Лебедевой, совпадения в типах керамики. Это заставляет нас с Н. И. Лебедевой надеяться отыскать в Подборной культуре как датирующую форму кельт. В абсолютных цифрах Подборная культура должна быть определена временем не ранее начала первого тысячелетия.¹⁾

¹⁾ Отнесение подборной и родственной ей культуры близ Позднякова Муромского уезда к энеолиту и неолиту, а не бронзе, как это делает Б. С. Жуков (Журн. „Этнография“, кн. 1—2, стр. 84) безусловно следует считать ошибочным и не вытекающим из характера всей культуры с домашним скотом и металлической индустрией, ни из времени, когда в родственных культурах с скорченными погребениями появляется уже железо и стекло.

Прим. ред. Автореферат Б. А. Куфтина печатается, согласно желанию автора, в том виде, как он был написан в 1927 году после сборов 1926-го года И. П. Гусева на Поздняковской стоянке и раскопок Б. А. Куфтина в 1926 году на Подборновской. „Обзор“ Б. С. Жукова, сданный в печать в начале 1926 года, не содержит ни датировки, ни интерпретации культуры обеих стоянок, которые имеют быть сделанными в выходящей в издании Музея Ц. П. О. монографии Б. С. Жукова и О. Н. Бадера, впервые открывшего эту культуру. По первому определению ее указанными авторами, сделанному на основании предварительного анализа керамических объектов, найденных при первом обследовании О. Н. Бадером в 1924 году Поздняковской стоянки и Н. И. Лебедевой Подборновской (до раскопок); облик этих объектов был предположительно охарактеризован как соответствующий культурам бронзы.

Ред.

Археологические исследования в Скопинском уезде Рязанской губернии.

Скопинский уезд, укрупненный в 1923/24 году и захватывающий теперь частично территории других уездов, является одним из южных районов Рязанской губернии. В отношении объема произведенных здесь археологических исследований Скопинский уезд стоит почти на одном уровне с другими южными уездами губернии. На долю северных уездов (Рязанского, Спаского, Касимовского и других) выпал значительно больший процент археологических исследований, чем на долю южных. Объяснить это можно тем, что в Рязанской губернии основным территориальным руслом при археологических исследованиях является побережье реки Оки. Южные уезды удалены от Оки, северные находятся по ее течению; следовательно, работы начались и велись, главным образом, в северной части губернии.

В Скопинском уезде археологические исследования начались очень недавно, если не считать отдельных случайных находок древности, которые имелись в разное время в этом районе. Собрание древностей и организация краеведческого музея предприняты были в 1920—21 году профессором Саратовского Университета П. С. Рыковым. Систематические исследования в области археологии местного края начаты только с 1924 года, в связи с работой Рязанского О-ва исследователей, членом этого Общества Н. П. Милоновым.

С 1924 г. по 1926 г. собран значительный материал, являющийся преимущественно под'емным. Этот материал должен служить оправным для дальнейшей углубленной археологической работы в Скопинском крае. На основании этого материала составлена первая черновая археологическая карта края, которая находится в распоряжении Общества Исследователей Рязанского края. По водным магистралям исследования за период 1920—26 г.г. охватили верхнее и среднее течение реки Верды, среднее течение реки Прони и реку Галину. Территориально исследования локализовались в северной, средней и, отчасти, южной частях уезда. Весь добытый и разведками и раскопками материал можно разбить на три основных раздела, относящиеся к трем основным группам древнейших культур.

А) Следы древнейших до-исторических культур, б) памятники ранней и средней поры железного века, в) славянские культуры.

Следы древнейших доисторических культур обнаружены в двух местах Скопинского края: на берегах реки Прони в районе бывшего г. Пронска и в дилuviальных отложениях реки Верды в районе села Мшанки. В Пронске добыты многочисленные фрагменты посуды с елочными и ямочными орнаментами неолитического типа и кремневые изделия,—наконечники стрел лаврововидного неолитического типа, проколки и сверла тоже неолитического типа. Все эти культурные остатки найдены среди пятен культурного неолитического слоя пепелистого цвета. На Верде около с. Мшанки обнаружены трубчатые кости монтажа в расщепленном виде; кости залегали вместе с остатками углей и осколками кремня в моренных отложениях. Возможно, что это следы палеолита.

На правом берегу р. Верды при раскопке курганов близ с. Павелец найдены интересные фрагменты глиняной посуды, относящиеся к медному веку. Следы бронзовой культуры обнаружены на берегах Прони; получены типичные для средней поры бронзы остатки глиняной посуды. Все следы доисторической культуры, обнаруженные в Скопинском крае, относятся исключительно к разрушенным стоянкам первобытного человека. По-видимому, многие из этих стоянок явились культурными очагами, производными от Окских культур.

Культуры ранней и средней поры железного века наиболее богато представлены в нашем крае. Следы их обозначены городищами. На городищах вскрыты землянки по типу финских с очагами, а иногда и с печами для плавки руды.

На площадях, связанных с городищами, обнаружены погребения, различающиеся по своим типам: установлены погребения в сидячем положении, труположения и трупосожжения. Инвентарь состоит преимущественно из остатков глиняной посуды, относящейся к типу городищ Городецкого типа. Датировка городищ варьирует в периоде от первых двух веков до нашей эры к 4-м первым векам н. э.

Славянские культуры обозначены двумя родами коллективных памятников—могильниками и городищами. Большая курганная группа открыта на берегу р. Прони и маленькая на берегу р. Верды. Обе группы по добытому материалу (вятичские привески, семилопастные московского типа и проч. инвентарь), принадлежат к культуре Вятичей и датируются XI, XII, XIII веками. Городища славян открыты: на берегу Верды-Лихаревское, на Проне—два Маклаковские и одно Пронское. Во всех городищах инвентарь отождествляется с инвентарем вятических курганов. Культура славянских городищ в нашем крае добыта не только на самостоятельных славянских городищах, но и на городищах, основанных более ранними аборигенами края. В последнем случае наблюдается смешение двух культурных наслоений. Как правило, существует такое чередование слоев, при котором памятники славянской культуры находятся ближе в

поверхности, а следы более древних культур обнаруживаются глубже.

Из описания открытых культур видно, что наиболее слабо представлена эпоха бронзы, но возможность ее существования в нашем крае доказывается даже теми немногочисленными данными, какие были указаны. Культура финнов, судя по последним раскопкам в Пронске на горе Гневне, может быть освещена не только данными из городищ, но и из могильников.

В дальнейшем, археологическая работа в Скопинском крае должна пойти, главным образом, в сторону углубления исследований по открытым культурам, в сторону сопоставления добытых материалов в нашем крае с материалами Рязанской области и всей средней полосы Советского Союза.

Ярославская губерния в палеозтнологическом отношении.

Губерния одна из богатых курганами, но учет их далеко не полон. Лучше изучены уезды: Ярославский, Ростовский, Угличский, Рыбинский, часть Даниловского (ближе к городу). О Пошехонском имеются очень смутные сведения, б. Любимский (ныне с. в. часть Даниловского) не захвачен исследователями совершенно. Несколько тысяч курганов разрыто, главным образом, Уваровым и Савельевым (преимущественно в Ростовском районе), Ивановским (Мологский уезд), Городцовым, Тихомировым. Как известно, смешанная Уваровская копка для науки дала более вреда, чем пользы. В общем, материала собрано много, выводов сделано мало. Курганы VIII—XI в.в.

Могильников, современных курганам, не открыто, в чем Ярославская губерния значительно отстала от некоторых соседних. Городища намечены, но более или менее обследованными являются только Сарский под Ростовым, где работа велась Д. Н. Эдингом, который имеет сделать подробный доклад особо.

Лучше обстоит дело с могилами эпохи бронзы, из которых известно 5: знаменитое Фатьяново, Черная гора (Яр. у.) Холм (б. Романовский, ныне Яросл. у.), Никитино на Кости (Дан. у.), Дегтево (Яр. у.). Первый могильник дал гораздо меньше, чем мог дать, т. к. обследовательская работа велась в перерытой карьером земле; из остальных обследована научно только Черная гора В. А. Городцовым и А. А. Спициным.

В области каменной эпохи палеолит еще неизвестен. Неолитические стоянки дали интересный материал по р. Учме (Углич. у.) и в недавнее время по левому берегу р. Волги в 12-15 верстах вверх от Ярославля между селами Устье и Воздвиженским. Собранный большой материал на этом пункте местный педагог А. В. Троицкий увез его в Тверь, но в настоящее время Ярославским Гос. Музеем уже получено от него обещание передать всю коллекцию в Ярославль для изучения и экспозиции.

Известным местным археологом Илл. Ал. Тихомировым в 1900 г. составлена очень ценная археологическая карта Ярославской губ., но она требует пополнения по новым данным, а местами и исправлений.

Раскопки Сарского городища

(Ростовского уезда, Ярославской губернии).

В 1924—25 г.г. Ростовский Государственный Музей организовал и провел раскопки Сарского Городища в 15 верстах от г. Ростова по р. Саре. Эту работу можно считать началом местной исследовательской работы по части археологии после раскопок гр. Уварова и Савельева, когда область потеряла значительное количество памятников древности. Сарское Городище принадлежит к числу известнейших пунктов и подвергалось неоднократно раскопкам (Савельев, Титов, Керцелли и Рерих); кроме того, значительные разрушения его вызваны добычей гравия, песка и валунов крестьянами для дорожного строительства. Благодаря случайным находкам и предшествующим раскопкам с городища известны были каменные орудия, предметы, связанные с Дьяковской культурой и основная масса памятников славяно-финского культурного комплекса; к ним присоединяются монетные клады (гл. обр. VIII—IX и XI вв.).

Городище занимает среднюю часть длинной луки Сары; четырехугольная площадь его (2080 к. с.) с двух сторон ограничена рекой, а с двух других, более коротких, валами; от языка луки она отделена двумя, сохранившимися до сих пор; с противоположной стороны уцелел один вал. Раскопки 1924—25 г.г. вырыли в общем около 165 к. с. (660 кв. м.), при чем прорезаны были два вала, произведена разведка в юго-западном болотье и на языке луки; главным же образом работа велась на уцелевших участках площади самого городища. Раскопка валов установила насыпку их в несколько приемов, присутствие на разной глубине пластов пережженного дерева и укрепление крутого внешнего склона плетнями. По краю болотья обнаружено ограждение из ряда срубов, засыпанных землей. На площади городища открыто несколько очагов и остатки землянки; очаги, сложенные из валунов, в двух случаях имели форму буквы П, в двух других—буквы Г и в последнем—четыреугольную площадку с отходящими от двух соседних углов параллельными полосами валунов.

Из вещественного материала—подавляющее большинство находок фрагменты керамики; посуда почти вся изготовлена без помощи круга из глины с примесью дресвы; горшки толстостенные (аналогия-сосуд из кургана с трупосожжением бл. с. Ми-

хайловского Ярослав. губ. и у.), крайне редко украшенные бороздчатым и волокнистым орнаментом; также редки зарубки по бережку. Немногочисленны обломки сосудов более древних культур. Из числа раскопанных памятников выделяются: курант-гладилка, топорец трубчатой кости, наконечник стрелы, гарпун и острия из того же материала, ножи железные с черенком, поднятым до уровня обушка и иногда слегка горбатые, также единичные находки бронзовой пряжки типа ранне-кочевнических культур юга России. Основная масса находок, как и керамики, принадлежит финской культуре, что решает мерянский вопрос в положительном смысле. Связь с восточно-финским племенем выражена характерными костяными копоушками, гребнем с конскими головками, амулетами, астрагалом и медвежьим когтем и т. п. Вторая группа предметов - обще-финского характера, но более связанная с приокским районом, включает в себя втульчатый железный топор, скобень, льячку, литейную форму, дротовый браслет с расплюснутыми концами, шумящую привеску и бутылкообразные подвески. Отдельные предметы намечают связь с Прибалтикой; скандинавская культура представлена вполне типичными предметами: равноплечей фибулой, заклепкой от лодки, „подковкой“, костяными гребнями и т. п. Вещи, характерные для славян—височные кольца, браслеты, бляшки и т. д., относительно немногочисленны и соответствуют до известной степени пропорциональному меньшинству „славянской“ керамики. Общая масса находок не дает права говорить о земледельческом промысле населения (кости домашних животных, однако, найдены в значительном количестве). Охота и рыболовство имели место в ряду занятий жителей городища, хотя и не такое значительное, как ремесла, из которых особенно отчетливо— обработка металлов (литейное дело) и меньше— обработка дерева и, может быть, кожи. Эпохой расцвета города можно считать IX—XI в.в., относя начальные стадии его существования к значительно более раннему времени, а постепенный упадок, к эпохе, характеризующейся отдельными находками татарской культуры.

Раскопками Сарского городища, Ростовский Музей и Научное Общество по изучению местного края, положили основу систематическому строительству археологического отдела Музея и планомерному обследованию уцелевших памятников древнего населения края.

Археологические раскопки в Ростовском уезде Ярославской губ. за последние годы.

В 1921 году произведены раскопки 3-х курганов близ с. Михайловского (Ярославской губ., и уезда) для студентов б. Ярославского Гос. Ун-та и Ярославского Отделения Археологического Института; в двух открыты остатки трупосожжений; в третьем — трупоположения.

В 1922 году со слушателями Ростовского Отделения Археологического Института произведены раскопки курганов бл. деревни Коленово Ярославской губ. Ростовского уезда, в трех пунктах: а) на пустоши „Городец“ раскопано 4 кургана; б) в Алексеевской сече—2 кургана и в) в Мироновском лесу—4 могильные насыпи.

В 1924 году группой учащихся школы 2-ой ступени г. Петровска, под руководством докладчика, были раскопаны 3 кургана близ с. Талицы Ростовского у.

Во всех переименованных группах обнаружены погребения, совершенные в грунтовых ямах; небольшое количество найденных при раскопках предметов указывает скорее на славянскую культуру и относительно позднего времени (не ранее XII—XIII в.в.).

О раскопках в Чухломском уезде Костромской губернии летом 1925 года.

Летом 1925 г. группу в составе А. В. Збруевой, М. Е. Фосс, А. Я. Брюсова, Е. А. Байбурта и покойной Е. И. Степановой, при участии Л. Н. Казаринова, Г. И. Лебедева и П. Н. Третьякова были произведены раскопки двух стоянок в Чухломском уезде Костромской губернии: 1) у сел. Федоровского на левом берегу р. Вексы и 2) около г. Чухломы на левом берегу р. Юга.

Стоянка на р. Вексе открыта была Л. Н. Казариновым и В. И. Смирновым. Пробные раскопки были произведены Л. Н. Казариновым в 1924 г. Стоянка расположена в нижней части глинистого склона, спускающегося от сел. Федоровского к р. Вексе. Благодаря искусственному под'ему воды плотинами часть стоянки залита водой. Культурный слой залегает непосредственно под растительным слоем и достигает мощности в 25-30 см. Раскопки заняли небольшую площадь и обнаружили три землянки, тесно расположенные одна около другой. Землянки эти представляли собой круглые углубления в почве размером в 2.05—2.75—3 метра радиусом и соответственно глубиною в 52—45/60—90 сантим. Боковые стенки круто спускались к плоскому полу, на котором посередине или несколько эксцентрически стоял сложенный из камней очаг. В двух землянках прослежены следы от некоторых столбов покрытия в виде цилиндрических и цилиндро-конических ямок в полу землянок около боковых стенок их. В одной из землянок обнаружена была в стенке ее „кладовая“ в виде идущих уступом двух ям; на дне той и другой находились раздавленные глиняные горшки и целый ряд каменных орудий.

Керамика располагалась во всех землянках почти исключительно с одной стороны и около очага. При этом впоследствии удалось склеить, в значительной части, сосудов шесть, из которых один имеет в высоту 49 сант.

Что касается находок, то, прежде всего, надо отметить разницу в количестве их в зависимости от слоя и места раскопок в землянках и вне их: в землянках количество находок в 1-м (сверху) слое—ничтожно и повышается с приближением ко дну их; вне землянок более половины находок сделано в 1-м слое. Керамика вне землянок составляла ничтожный процент находок. Большинство найденных предметов составляют обломки глиняных сосудов с орнаментом, нанесенным штампами и веревкой; глиняное тесто этих сосудов плохо отмучено и имеет

значительную примесь кварцевых зерен; стенки толстые, в среднем около 1 сантиметра; обжиг средний. Такие обломки были найдены во всех слоях. Они принадлежат, судя по ряду найденных доньев, исключительно круглодонным сосудам. Но на ряду с такой керамикой найдены обломки от неорнаментированных сосудов, сформированных из хорошо отмученной глины, довольно тонкостенных, с хорошим обжигом; найдены обломки от плоского и уплощенного доньев таких сосудов. Последняя керамика составляет крайне незначительный % всех обломков сосудов; она находилась преимущественно, хотя и не исключительно, в нижних слоях землянок около пола. Определенно выраженная шейка сосуда имеется только в одном экземпляре из землянки № 3. Орнамент керамики преимущественно круглоямочный с коническим профелем, зубчатый, псевдозубчатый; реже встречаются орнаменты рубчатый и лунчатый; редки—веревочный, овально-ямочный, четырехугольный (1 случай), ромбический, рамчатый и др. Среди узоров интересно отметить: 1) соединение круглых ямок полосами зубчатого орнамента и 2) заключение круглых ямок в сетку косых полос зубчатого орнамента. Количество орнаментальных узоров, не считая разновидностей, доходит до 50-ти.

Орудия исключительно каменные: топоры, тесла, стамески, кирки, сверла, ножи, скребки, проколки, отбойники, точильные и полировальные камни, наконечники стрел и дротиков; материал—кремнь, песчаник, яшма и сланцы: из сланцев выделялись полированные орудия. Сверленых орудий нет. Из орудий необходимо отметить:

- 1) Прекрасные скребки, почти совпадающие по форме с палеолитическими скребками высокой формы.
- 2) Крошечные скребки „микролиты“.
- 3) Обломок полированной кирки северного типа, „рубилор“ по терминологии проф. Иностранцева.
- 4) Шорный нож из кремня.
- 5) Два брусковидных отбойника.
- 6) Галька с нарезками для нанесения зубчатого орнамента.

Техника ретуши на ретушированных орудиях по большей части очень хороша, а иногда просто великолепна. Полировка, за исключением нескольких экземпляров орудий, мало тщательна.

Что касается датировки стоянки, то особенное значение имеет находка бронзовой пластинки на полу землянки № 2. С другой стороны, некоторые виды орнаментов на сосудах (лунчатый, узелковый, псевдозубчатый, ромбический) не встречаются в неометаллическую эпоху. Наибольшее сходство керамика Федоровской стоянки обнаруживает с Балахнинской. Поэтому Федоровскую стоянку можно датировать поздней порой палеометаллической эпохи.

Стоянка на р. Юге расположена на левом берегу, почти у самой реки, на небольшой возвышенности (около 1 метра над

уровнем реки). С противоположной стороны реки, около тракта, еще в 1924 году Л. Н. Казариновым обнаружена другая стоянка (вернее—часть одной и той же стоянки, судя по однородности инвентаря). Площадь стоянки крайне незначительная. Культурный слой начинается сразу под растительным слоем и достигает мощности до 30-35 сантиметров. Остатков жилищ не обнаружено. В двух местах прослежены 2 углубления овальной и круглой формы, уходившие ниже нижней линии культурного слоя на 30 и 40 сант. Обе ямы эти были выполнены внизу культурным слоем, перемешанным с угольками; вероятно, здесь находились места для костров. Орудия найдены только каменные, кремневые, яшмовые, и сланцевые: топоры, долота, сверла, скребки, ножи, наконечники стрел, грузило для сетей. Сверленных орудий не найдено, хотя одна шиферная привеска имеет сверлину, сделанную путем сверления с двух сторон, несмотря на незначительную толщину ее. И здесь, как на Федоровской стоянке, интересны крошечные скребочки. Вместе с тем необходимо отметить массивные „скребки“ с резко загибающимся к брюшку рабочим краем („ложковидные скребки“ по терминологии Коссина), которые соответствуют тем орудиям, которые были найдены В. А. Городцовым на Панфиловской стоянке Владимирской губ., Муромского уезда и названы были „орудиями для производства капеллюр“ (ложкарные инструменты). Обломки сосудов были представлены небольшими экземплярами и найдены были в сравнительно незначительном количестве. Глиняное тесто отмучено довольно хорошо, хотя имеется примесь мелкого кварца. Обжиг хороший. Стенки не превышают 1 см. толщину, но обычно тоньше (иногда до 0,15 см.). Доньев найдено два, оба плоские. Обломки от орнаментированных сосудов украшены большей частью зубчатым орнаментом, реже встречается нарезной орнамент. Круглоямочный орнамент дает в разрезе цилиндрические ямки, при чем эти ямки чаще всего имеют несколько неправильную форму. Некоторые узоры повторяют характерный для культуры раскопанной В. А. Городцовым в 1924 г. Галицкой стоянки (елочный узор из зубчатого орнамента по всему телу сосуда). Другие узоры на стенках маленьких тонкостенных сосудов сильно напоминают своей неправильностью и случайностью такие узоры на керамике Олонецкой губ. (озеро Лаче, раскопки Маркова). Вторую группу составляет сетчатая керамика. Третью—неорнаментированная. Обломки всех этих типов находились во всех слоях стоянки.

Сходство керамики с Галицкой и с обломками сосудов с оз. Лаче позволяют датировать стоянку по времени Галицкой культуры. О той же дате свидетельствует аналогия сетчатой керамики стоянки с такой же керамикой младшего Волосовского могильника.

Всего на обеих стоянках собрано свыше 2500 предметов.

КРАТКИЙ ОБЗОР

Археологических исследований во Владимирской губернии за последние десятилетия.

Владимирская губерния принадлежит к числу наиболее богатых в археологическом отношении. Во второй половине XIX века она привлекла к себе внимание почти всех выдающихся представителей русской археологии. На ее территории произведены были крупнейшие изыскания и установлен целый ряд важнейших археологических пунктов. Результаты этих изысканий известны в литературе: в частности, они весьма полно представлены проф. А. А. Спициным в „Обзрении Владимирской губернии в археологическом отношении“ (Записки Импер. Русск. Археол. О-ва, т. II СПб, 1889 г.).

В начале текущего столетия археологические исследования на территории губернии продолжались, хотя и не в таких широких размерах и не с такой интенсивностью, как прежде. Большинство исследований падает на долю местных археологов. Часть из них осталась до сих пор не опубликованной. Изыскания производились обыкновенно вне какой-либо системы или плана и касались самых разнообразных памятников древности. В результате они дали весьма богатый материал по тем основным культурам, которые обозначались исследованиями прошлого века.

По неолиту.

В самых последних годах XIX в. чрезвычайно интересные находки были сделаны И. Л. Щегловым на берегу озера Колодлива, расположенного в долине р. Оки между селами Ляхи и Верья и близ озера Частого, расположенного на левом берегу Оки к востоку от д. Высоковой, в Меленковском уезде. В первом пункте И. Л. Щегловым были собраны в поверхностных слоях: кремневые копыя, наконечники стрел, пилы, скребки, толстые черепки глиняной посуды, с грубым орнаментом в виде вдавлений и полосок и два орудия со следами полировки.

Здесь же в нижнем культурном слое, прикрытом сверху толщею в 2-4 метра новейших наносов Оки, в бурой песчанистой массе обнаружены многочисленные и мелкие весьма хрупкие косточки, принадлежавшие по всем признакам птицам, а также мелкие позвонки рыб, челюсть и зубы собаки и крупная кость

какого то животного. Во втором пункте, около озера Частого, обнаружено, в обнаженных ветром слоях, значительное скопление кремней, несколько стрелок, с весьма тонкой оббивкой и удлиненный предмет из кремня, напоминающий пилку. Черепков горшечной посуды И. Щегловым здесь совершенно не найдено. Скопления кремневых осколков и черепки попадались и в других, ближайших от указанных озер, местностях. Повидимому, здесь имеется целый ряд стоянок неолитического периода (Тр. Влад. Уч. Арх. Комис. кн. III, стр. 13—24). Местность около оз. Колодлива известна была еще П. П. Кудрявцеву (Уваров. Археол. 1 стр. 293). Однако, указанный, интересный в археологическом отношении, район остается до сих пор мало обследованным.

В конце XIX в. классическую Волосовскую стоянку близ Мурома посетил В. М. Иверсен, собравший здесь множество чрезвычайно интересных предметов неолитической индустрии, в том числе: кремневые крючья, кремневые изображения рыбы, кремневый предмет, имеющий форму якоря, кремневые пилки и долота и целый ряд интересных поделок из кости (Вестн. Археол. и Истор. СПб Арх. Ин-та, СПб 1900, вып. XIII и Зап. Имп. Русс. Археол. О-ва т. V в. 1).

В 1906 году по некоторым уездам губернии: Владимирскому, Судогодскому, Меленковскому и Муромскому совершил археологическую поездку Н. Е. Макаренко, (Труды Влад. Ученич. Археол. Комисс. Кн. X, 1908 г. стр. 1—61). Во Владимирском Историческом Музее имеется целый ряд планшетонок с вещами, собранными Н. Е. Макаренко в разных местностях и относящимися к разным культурам и среди них несколько планшетонок с предметами, добытыми при раскопках Волосовской стоянки.

В 1910 году исследование той же стоянки произведено проф. В. А. Городцовым, открывшем здесь две землянки неолитической эпохи и ряд предметов бронзовой и железной эпох (Археол. исслед. в окрестностях г. Муром в 1910 г. М. 1914).

В 1923—25 гг. совершен ряд археологических обследований окрестностей г. Мурома сотрудником Муромского Музея Ф. Селезневым (Материалы по изучению Муромского края. Муром 1925 г., вып. I).

Большинство стоянок, подвергавшихся обследованию, известны были П. П. Кудрявцеву (Уваров, Археология, т. I стр. 298 - 299). Собранный материал оказался, по словам исследователя, однородным с Волосовской культурой.

В 1924 г. открыты были две стоянки неолита на р. Вексе и озере Сомино в Переяславском уезде, которые в 1925 г. обследованы проф. А. А. Спициным совместно с М. И. Смирновым. Результаты обследования остаются пока не опубликованными.

По культуре медной и бронзовой эпох.

До самого последнего времени культура эта представлена была в губернии лишь отдельными находками (каменный шлифованный молоток на р. Риене около Владимира, медные кельты и керамика близ Волосова и близ дер. Ефановой, Муромского уезда, бронзовые серпы на Поланижнике около гор. Вязников и др.).

В 1913—14 гг. местными любителями археологами М. М. Соколовым и П. М. Поповым установлено было существование 12-ти стоянок с керамикой, преимущественно медного века на дюнах по р. Клязьме в окрестностях г. Вязников (Тр. Влад. Уч. Комисс. кн. 15). Указанными лицами был собран путем разведок довольно обширный материал, находящийся ныне во Владимирском Историческом Музее. Среди находок имеются: каменные (из кремня и других родственных ему разноцветных пород) топоры, долота, наконечники копий и стрел, проколки, высокие скребки, ножевидные пластинки и большое количество керамики с разнообразным орнаментом (ямочным, зубчатым, семечковым, ленточным из насечек, гусеничным, ушковым, шнуровым и др.).

В 1925—26 гг. дополнительное обследование указанных стоянок произведено было А. И. Ивановым, собравшим здесь новый богатейший материал. Наиболее древние вещи дали стоянки Дубовская и стоянка у Серапионовой пустыни. Наиболее поздние дала Быковская дюна. Бутриха и Поланижник обнаружили наложение нескольких культур. Остальные стоянки имеют однородную культуру, отмеченную золищами и сходную по керамике с культурой Поздняковской стоянки, Муромского уезда и стоянки Подборной Рязанской губ. В общем, под Вязниками наблюдается интересная картина культур позднего неолита и раннего металла. Результаты обследований А. И. Иванова остаются неопубликованными, т.-к. предполагаются дальнейшие изыскания.

В 1924 году проф. В. А. Городцовым произведены раскопки Панфиловской стоянки под г. Муромом. Стоянка оказалась весьма интересным памятником. На ней обнаружены: человеческие кости, остатки жилищ (землянок), 296 бытовых предметов, в состав которых вошло 4 медных, 260 кремневых и 22 костяных и чрезвычайно оригинальный и разнообразный керамический материал. По мнению исследователя, стоянка представляет культуру самого раннего металла в нашей местности. (Труды Владимир. Обл. Гос. Музея, вып. II).

В 1925 г. Б. С. Жуковым и О. Н. Бадером произведены были раскопки второй интересной стоянки в окрестностях Муром-Поздняковской. Оказавшаяся здесь культура имеет сходство с Панфиловской, но несколько более позднего времени, материалы не опубликованы *).

*) Материалы раскопок Б. С. Жукова и О. Н. Бадера Поздняковской стоянки готовятся к изданию в „Трудах“ Гос. Музея Ц. П. О. По мнению авторов, эта культура сходства с Панфиловской не имеет. Ред.

По культуре финнов.

В 1899 году произведены были раскопки могильника при с. Заколпье, Меленковского, уезда, А. П. Поливановым. Добытые при раскопках вещи поступили во Владимирскую Архивную Комиссию и хранятся сейчас во Владимирском Историческом Музее. Отчет о раскопках в выдержках опубликован Н. Е. Макаренко вместе с собственным отчетом о раскопках того же могильника, произведенных в 1905 г. (Тр. Влад. Уч. Арх. Комисс., кн. X). Инвентарь могильника оказался родственным курганным находкам близ дер. Парахина и дер. Поповой Рязанской губ. и отмечал своеобразную культуру инородческого племени, обитавшего в XI-XII в. в так называемой Мещерской стороне.

Одновременно с Заколпинским могильником, Н. Е. Макаренко исследован другой могильник близ дер. Новленской, Судогородского уезда. По характеру своего инвентаря могильник этот примыкал к серии Муромских могильников и, в частности, оказался однотипным с Максимовским могильником (Тр. Влад. Учен. Арх. Комисс., кн. X).

Осенью 1909 г., и весной 1910 г. при проведении шоссе случайно был открыт могильник возле дер. Подболотья под г. Муромым. Летом 1910 г. могильник был раскопан проф. А. В. Городцовым и оказался грандиозных размеров. На вскрытой площади удалось определить 260 человеческих, 14 конских и 1 коровье погребение. При погребениях обнаружено громадное количество бытовых предметов, давших исследователю возможность восстановить культуру обитавшего здесь племени. Племенем этим проф. Городцов считает Мурому, одно из исторических финских племен, вытесненных из нашего края в XI в. В. А. Городцов. Археолог. исследов. в окрестн. г. Мурома в 1910 г., М. 1914 г., Тр. Влад. Уч. Арх. Ком., кн. XII).

В 1923-25 г. г. произведены частичные раскопки Муромских могильников Ф. Я. Селезневом; при д. Корниловке, Максимовке, Катышово, Перемиловской пустыни, Ефановой и с. Пятницкого. Последний оказался наиболее интересным, давшим культуру X века. (Тр. Влад. Гос. Обл. Музея, вып. II).

В 1925 г. А. И. Ивановым произведены раскопки интереснейшего могильника при с. Пустошах, Судогодского уезда. Инвентарь могильника оказался совершенно тождественным с инвентарем Заколпинского могильника и Касимовских курганов, Рязанской губ. и с особой рельефностью отмечал своеобразие культуры, имевшей распространение в так называемом Мещерском крае в XI-XII в. в. (Тр. Влад. Гос. Обл. Музея, вып. I).

По курганной культуре славян.

В 1900 и 1901 г. г. Гр. Дрижаченком раскопана небольшая группа славянских курганов в урочище Буяни Филипповской вол., Александровского уезда (б. Покровского). Вещи оказались „ки-

евского типа“ и хранятся во Владим. Историч. Музее. (Тр. Влад. Уч. Арх. Ком., кн. IX).

В 1904 году в той же местности произведены довольно крупные раскопки Ю. Г. Гендуне. Инвентарь курганов составляли: проволочные височные кольца средней и малой величины, серьги с бусами, бусы серебряные и сердоликовые, бубенчики, проволочные и пластинчатые перстни, поясной набор из пряжек и др. Все вещи находятся во Владимирском Историческом Музее. Отчет о раскопках не опубликован.

В 1904 г. весьма интересные раскопки произведены были А. И. Смирновым в Муромском уезде при селениях: дер. Лобанове, с. Булатникове, с. Зименках, с. Борисоглебском, дер. Битюкове и дер. Шишлове. Всего раскопано было 88 курганов. Группа курганов при д. Лобанове (12) не дала никаких находок, кроме остатков костяков. Костяки лежали, в большинстве случаев, головой на запад и реже на юг с положением рук на тазу. Курганы при с. Булатникове (13-19), в урочище „Мары“, имели то же положение костяков и дали находки: остатки шелковой ткани на правом плече с 4-мя медными пуговками (кур. № 13), две медные пуговицы на правом плече (№№ 14 и 18), две медные пуговицы на левом плече (№ 17) и железный топор над тазом (№ 16). Из группы курганов при с. Зименках (20—69) один имел детский костяк головой на север, другой—взрослого человека—головой на юг и все прочие с костяками головой на юго-запад.

Положение рук, обычно, на тазу. Из предметов найдены одни железные гвозди. В курганах при с. Борисоглебском (70—74), в урочище „Могилище“ ни костяков, ни вещей не обнаружено. Только в одном кургане (№ 74) на материке оказались глиняная чашечка с высокими стенками и зубчатым краем, черепок с ямочным орнаментом и две кости быка. Наиболее интересными оказались курганы близ дер. Битюково, наз. „Мары“ (75—81). Некоторые из них имели большие размеры (№ 76) и продолговатую форму (№ 77), костяков и вещей не обнаружено. Но в большинстве курганов оказались горшки, из которых одни находились на материке и были гладкие или с точеным орнаментом, а другие помещались в материковых ямках, глубиной до 20 см. и имели форму чашки, несколько круглодонной, с богатым веревочным и парным орнаментом. Все вещи, добытые в указанных курганах, хранятся во Владим. Музее. Отчет о раскопках не опубликован.

В 1926 г. обследована группа курганов близ дер. Куземина, Ковровского уезда, А. М. Ивановым. Курганы оказались невысокими. Некоторые из них были обложены камнями в основании, а другие по всей поверхности. В насыпи попадались прослойки золы и угля, проходящие выше скелетов. Скелеты лежали на материке головой на запад. Вещей, кроме железных гвоздей, не найдено.

По культуре славянских городищ.

В 1925 г. А. И. Ивановым произведены раскопки Кляземского городища, Ковровского уезда, бывшего удельного города Стародуба. Добытый материал позволил несколько осветить культуру городка за время его жизни XII—XVI в. в. (Тр. Влад. Гос. Обл. Муз. вып. II).

В 1926 г. тем же исследователем произведены раскопки Пирова городища близ гор. Вязников. Раскопки дали весьма значительное количество предметов курганных типов, в том числе: медную серьгу с бусинами, шиферные четырехконечные крестики, шиферные пряслицы, железные ножи, обломки стеклянных браслетов, керамику с волнистым орнаментом.

Я изложил в основных чертах все, что сделано во Владимирской губернии за последние десятилетия в области археологии. Из сказанного видно, что губерния имеет не мало разнообразных и весьма ценных памятников древности. Следует пожелать, чтобы в дальнейшем на территории ее усилены были археологические изыскания под руководством и при личном участии лучших специалистов.

Палеоэтнологические работы Нижегородских научных учреждений

Палеоэтнологические работы в Нижнем-Новгороде группируются в настоящее время вокруг двух центров, а именно: Нижегородской Археолого-Этнологической Комиссии, организовавшей в начале революционных годов и Нижегородского Историко-Бытового Музея, который пережив несколько лет реорганизаций и переводов в новые помещения, вступил примерно с 1923 года на путь серьезного научного строительства и активного собрания новых коллекций.

Археолого-Этнологическая Комиссия, являющаяся преемницей бывшей Губернской Ученой Архивной Комиссии, не обладая возможностями развернуть широкую полевую исследовательскую деятельность, вела под руководством своего почтенного бессменного председателя А. Я. Садовского наблюдение за охраной памятников, работу по составлению обширного и весьма точного указателя памятников местного края, а также некоторые учетно-рекогносцировочные полевые работы и раскопки (Сейминского, Балахнинского и других памятников).

Историко-Бытовой Музей, обладающий ценнейшей Сейминской коллекцией, с самого начала своей последней реорганизации, при постоянной моей консультации и при участии коллектива Палеоантропологической Лаборатории Антропологического Института I-го М. Г. У., произвел переучет и полную реэкспозицию своего Отдела Доисторических Культур, а также принимал участие в организации Ветлужской Антропологической Комплексной экспедиции Антропологического Института I-го М. Г. У. В результате этого участия Музей получил ряд целостных оригинальных коллекций по неолиту и культурам Ветлужских городищ.

Располагая коллективом молодых сотрудников и неуклонно развивая свою деятельность, Музей должен занять по своим палеоэтнологическим коллекциям, а также и по этнографическим, одно из видных мест среди наших провинциальных музеев.

**Справка о раскопках, произведенных
в 1924-25 г.г. в пределах Ц.-П. О. одной из групп
Московских Археологов.**

В 1924 г. произведены были раскопки славянских курганов: 1) по течению реки Рожай и ее притока Рогожки в Подольском у. Московской губ. около селений Никоново и Тупчино (А. В. Арциховский), Мещерское, Ивино, Скабеево, Лопаткино и Александровка (А. Е. Арсакова), Александровка, Сырково и Пузиково (Е. Н. Липеровская), Пузиково (А. Я. Брюсов), Тургенево, Битягово и около Серафимо-Знаменского жен.-монастыря (П. А. Дмитриев), Ушмары, Никитское, Константиновка (М. Е. Фосс); 2) в Московском у. у сел. Никольского (А. П. Смирнов) и Анискино (В. П. Левашева); 3) в Звенигородском у. у сел. Иславского (Л. А. Евтюхова).

В 1925 г. А. В. Арциховским произведены раскопки Тешеловского городища (гор. Тешелов), Лужковской стоянки и Мещериновских курганов в Серпуховском уезде; Л. А. Евтюховой—Борвихинского городища Дьякова типа в Московском уезде; Е. А. Байбуртом—славянских курганов у сел. Пушкино Московского уезда; М. Н. Орловой и А. Баишевой—славянских курганов у сел. Кузнецовка Московского уезда; А. В. Дмитриевский—Полецкого городища в Зарайском уезде Рязанской губ.; в том же году, как я сообщал в своем докладе, М. Е. Фосс, А. В. Збруевой, покойной Е. И. Степановой, Е. А. Байбуртом и мною были произведены раскопки Федоровской стоянки у сел. Федоровского в Чухломском уезде Костромской губ. и стоянки на р. Юге около гор. Чухломы.

Палеоэтнологическая деятельность Антропологического Института 1-го М. Г. У.

Палеоэтнологическая деятельность Антропологического, имени Д. Н. Анучина, Института 1-го Московского Государственного Университета и состоящего при 1-м М. Г. У. Антропологического Научно-Исследовательского Института, помимо индивидуальных работ своего научного персонала, выразилась: а) в организации и постановке впервые в России, на базе естественно-исторических дисциплин и на базе того огромного достояния Антропологического Музея, которое было создано покойным незабвенным профессором Д. Н. Анучиным, университетского преподавания палеоэтнологии и палеоантропологии со специализацией в этих областях, б) в создании палеоэтнологического кабинета, — ныне палеоантропологической лаборатории, — ведущей довольно интенсивную методологическую и научно-исследовательскую работу, в) научно-организационной и консультационной работе по учебной музейно-лабораторной, краеведческой и исследовательско-полевой линиям. Располагая постоянным притоком молодых сил, открывая возможность научных занятий для приезжающих в Москву специалистов и интересующихся, связанный со значительным числом музейных, краеведческих, исследовательских и других учреждений центров и провинции, а также зарубежных, не сохраняя у себя, но отдавая заинтересованным музеям все коллекции, добытые своими раскопками, Антропологический Институт имеет благоприятные возможности развивать свою работу. Реорганизационный период университетской жизни достаточно благоприятно отразился на деятельности кафедры Антропологии и Института и поэтому развитие этой деятельности не испытывало перерывов, но напротив, приобретало с каждым годом все большую и большую интенсивность. Из основных достижений Института по линии палеоэтнологии, которые в настоящее время можно отметить, укажем: 1) на создание учебно-исследовательской специализации по палеоантропологии и палеоэтнологии, с обслуживанием музейно-лабораторными и полевыми работами; 2) на выработку некоторых методов полевой и музейно-лабораторной палеоэтнологической практики, с которыми Совещание частично ознакомлено по докладам О. Н. Бадера и моему, а также 3) на то значение, которое имела научная деятельность палеоантропологической лаборатории Института в строительстве научной работы музеев Москвы и провинции.

Список памятников (стоянок, городищ, поздне-финских могильников и славянских курганных могильников) Центрально-Промышленной Области, раскопки которых были организованы и проведены коллективом палеоэтнологов Института, достигает в настоящее время числа более 20-ти, не считая тех памятников, которые были обследованы в некоторых отдельных районах. Значительное число памятников было обследовано и раскопано работами Комплексной Антропологической экспедиции по Ц. П. О. Института, начавшей свои антропологические, этнографические и палеоэтнологические работы в Ветлужском крае летом 1925 года и продолжающей эти работы в тех же рамках в текущем году на территории Нижегородской и соседних с ней губерний.

КРАТКАЯ ИНФОРМАЦИЯ

о палеоэтнологических полевых исследованиях Государственного Музея Центрально-Промышленной Области

(Москва).

Палеоэтнологические работы Государственного Музея Ц.-П.-О все без исключения относятся к весьма недавнему времени, что определяется краткостью существования самого Музея; они еще почти совсем не опубликованы,—следовательно, неизвестны большинству участников нашего Областного Сопровождающего; поэтому позволю себе сделать краткое их перечисление.

Соответствующие исследования начались в 1920 году и в первые четыре года протекали без определенного плана и в незначительном масштабе. Лишь начиная с 1924 года работы ведутся по заранее выработанному и обоснованному плану и одновременно резко увеличиваются по своим размерам. Последнее обстоятельство отразилось на количестве и величине поступивших в Музей в каждом отдельном году палеоэтнологических коллекций, что явствует из предлагаемой таблицы.

Год.	Число поступ. коллекций.	Общее количество отд. предметов.
1920	1	15
1921	3	1550
1922	1	10
1923	2	700
1924	15	1360
1925	15	9200

Считаю также нужным отметить, что с 1924 года, благодаря получению специальной штатной единицы по палеоэтнологическому под'отделу, Музей получил конкретную возможность более правильной постановки своих полевых палеоэтнологических исследований путем осуществления целого ряда больших и малых обследований отдельных районов; эти обследования, содействуя общему делу учета и нередко охраны памятников, дали весьма значительный научный материал, большую возможность серьезного выбора памятников для исследования и легли в основу большинства раскопок, произведенных Музеем до сего времени.

Привлекая для осуществления своих исследовательских полевых работ соответствующих квалифицированных специалистов (преимущественно силы Антропологического Института I М. Г. У.) Музей тем самым поставил эти свои исследования на должную высоту.

Итак, первым полевым исследованием Музея Ц.-П. О. были раскопки, предпринятые в 1920 г. Б. А. Куфтиным и С. П. Григоровым на славянском курганном могильнике у дер. Листвяны Московской губ. и у., по правому берегу р. Учи, где ими были вскрыты два кургана.

В 1921 году Б. А. Куфтиным произведены раскопки славянского курганного могильника у д. Немчиновка под Москвой, а также курганов у с. и на реке Нарма, Касимовского у. Рязанской губ., давшие несомненно финский инвентарь.

В этом же году Б. А. Куфтиным исследовалась богатая стоянка в Егорьевском уезде Моск. губ., на берегу оз. Святого у с. Спасского и место второй стоянки на острове „Клюшка“ того-же озера. Раскопки стоянки дали однородный материал весьма характерной культуры местного неолита с ямочно-гребенчатой керамикой.

1922 год дал Музею Ц.-П. О. лишь одну небольшую коллекцию из раскопок Б. С. Жукова славянского курганного могильника у д. Псарево, Сергиевского у., Московской губ., на р. Веле.

Наконец, в 1923 году Б. С. Жуковым были начаты раскопки стоянки в торфу на левом берегу реки Клязьмы, у с. Льялова, Московской губ. и у. Эта стоянка, благодаря благоприятным условиям залегания культурного слоя, кроме керамики (ямочно-гребенчатой) и кремневой индустрии (с преобладанием макротехники) дала также поделки из кости и даже остатки дерева ¹⁾.

Непосредственно вслед за раскопками Льяловской стоянки Б. А. Куфтиным были вскрыты для Музея Ц.-П. О. два кургана в довольно большом славянском могильнике, расположенном почти против Льялова на противоположном берегу Клязьмы, у с. Чашникова, открытом тогда-же Н. И. Лебедевой и О. Н. Бадером.

Осенью того-же года О. Н. Бадер произвел обследование верховьев р. Клязьмы в пределах Московского у., от ее истоков и до с. Льялова и Чашникова; обследованы (со съёмкой планов расположения курганов и детальным описанием) восемь курганных групп.

В 1924 году Б. С. Жуковым было продолжено исследование Льяловской неолитической стоянки, значительно пополнившее коллекцию предшествовавших раскопок.

Б. А. Куфтиным, М. В. Воеводским и О. Н. Бадером обследовалось селище „Потылиха“ под Москвою на р. Сетуни (Дьяковской культуры).

Н. И. Лебедевой, М. В. Воеводским и О. Н. Бадером обследовалось селище „Мамоново“ (той-же культуры) на Воробьевых

---

¹⁾ Результаты раскопок Льяловской стоянки 1923 и 1924 г.г. опубликованы Б. С. Жуковым в 1925 г. в „Трудах Антропологического Института“, вып. I („Неолитическая стоянка близ с. Льялова Московского уезда“).

горах под Москвой, на правом берегу р. Москвы. Кроме того, в Музее был получен материал сборов на том-же селище от Ю. П. Карпинского и Н. П. Кивокурцева.

О. Н. Бадером обнаружено и обследовано селище дьяковской культуры у д. Каргашино, Дмитровского у., Моск. губ., неподалеку от Синьковского городища.

Б. А. Куфтиным исследованы 4 кургана в начатом раскопками в 1923 году славянском могильнике у с. Чашникова на Клязьме. Раскопки дали ценнейший материал для изучения костюма славян XII—XIII веков.

Одновременно Б. А. Куфтиным и О. Н. Бадером обнаружена и детально обследована новая курганная группа близ д. Дурыкино в том же районе.

Б. С. Жуковым произведены раскопки двух курганов в славянском могильнике близ упоминавшегося с. Льялова и двух курганов в подобном же могильнике у д. Никольское, находящемся почти рядом с первым.

М. В. Воеводским в июле осуществлено большое обследование Осташковских озер Тверской губернии (напр., оз. Сиг, Селигер). Среди обнаруженных и описанных им палеоэтнологических памятников по количеству преобладают неолитические стоянки, давшие довольно большой и интересный по содержанию материал; обнаружены и обследованы также Дьяковские и славянские селища и городища и курганные могильники.

О. Н. Бадером в мае обследованы Хреновские и прилегающие к ним дюны, расположенные на левом берегу р. Оки, против гор. Павлова, Нижегород. губ. и затем пройден маршрут от пристани „Монастырек“ до г. Мурома, всего в общей сложности около 70 верст. Этим обследованием зарегистрирован и описан ряд палеоэтнологических памятников, преимущественно ранних, среди которых находится и впервые тогда обнаруженная стоянка бронзовой эпохи у с. Позднякова. При осмотре Волосовских дюн, во первых, у подножия их, на берегу Вельтемы обнаружена еще одна, ранее неизвестная стоянка Поздняковской культуры и, во вторых, установлена по сделанным находкам возможность совершенно обособленного расположения на дюнах отдельных памятников, что дает возможность, путем внимательных и длительных раскопок установить в Волосове ряд более или менее чистых культурных комплексов и тем самым расшифровать беспорядочное нагромождение огромного количества материала, хранящегося в различных музеях, с этого интереснейшего в изучении нашего нео-и энеолита местонахождения.

В течение лета М. В. Воеводским покрыт густой сетью маршрутов район, непосредственно прилегающий к г. Москве, в бассейне р. Сетуни. Найдено и детально обследовано большое количество курганов, расположенных очень небольшими группами и сравнительно крупных по своим размерам.

В 1925 г. палеоэтнологические полевые работы Музея изобилуют раскопками. Именно с этого года исследования Музея заметно отклоняются в сторону изучения ранних культур; в значительной степени тому причиной являются удачные в этом направлении предшествующие обследования Музея.

Прежде всего, Б. С. Жуковым доисследована Льяловская стоянка, давшая на этот раз очень небольшой материал; интересна обработка нескольких костей.

Далее, О. Н. Бадером при консультации Б. С. Жукова и силами участников комплексной Ветлужской Антропологической экспедиции была частично раскопана для Музея Ц.-П. О. обследованная весной этого года Б. С. Жуковым дюнная стоянка у с. Большое Козино, Сормовского уезда, Нижегородской губ., расположенная на правом берегу р. Пыры при впадении ее справа в Волгу. (1-я Козинская стоянка). Раскопки дали коллекцию, могущую быть отнесенною к неолитической культуре, типа Балахнинской.

Одновременно О. Н. Бадером, С. П. Толстовым и П. И. Зенкевичем обследованы еще две стоянки в окрестностях села: 3-я Козинская и 4-я Козинская и установлено общее богатство района находками неолитической культуры.

Б. С. Жуковым и О. Н. Бадером исследовалась открытая последним весной 1924 года стоянка у с. Позднякова; раскопки дали большой и интереснейший керамический материал (на плоскодонных сосудах встречается, например, орнамент в виде меандра), довольно развитую и своеобразную кремневую индустрию и весьма незначительное количество остатков фауны.

В то же время О. Н. Бадером произведено при участии и с помощью местного школьного работника и краеведа И. П. Гусева, принимающего ежегодно регулярное и активное участие в наших работах, обследование Поздняковского района, не давшее, однако, сколько нибудь крупных результатов.

По пути из Муром в Поздняково и обратно участниками раскопок осмотрен ряд местонахождений остатков доисторических культур, между прочим и Волосовские дюны; осмотр последних дал некоторые новые сведения и подтверждение изложенных мною ранее соображений о возможности и целесообразности постановки на дюнах новых раскопок.

Б. А. Куфтиным были продолжены начатые им ранее раскопки Синьковского городища в Дмитровском уезде Московской губ., на этот раз для Музея Ц.-П. О. На этом богатейшем городище была добыта характерная и разнообразная коллекция предметов дьяковской культуры.

Одновременно О. Н. Бадером, при консультации Б. А. Куфтина, были произведены очень небольшие раскопки ранее открытого им Каргашинского селища (в полутора верстах от Синь-

ковского городища). Добытая коллекция может быть отнесена к ранним горизонтам Синьковского городища.

К. Я. Виноградовым по поручению Музея Ц.-П. О. осуществлены раскопки в Малоюрославецком у. Калужской губ., а именно, обнаруженного им ранее Тиньковского селища на р. Протве. Раскопки дали небольшую, но ценную коллекцию памятника дьяковской культуры.

М. В. Воеводским и О. Н. Бадером, по примеру прошлых лет, произведены сборы на дьяковских селищах Мамоновом и Потылихе под Москвою.

По линии изучения славянских культур, Б. С. Жуковым копалась курганная группа у д. Бухарово Моск. губ. и у. (в районе обследования О. Н. Бадером в 1923 г. верховьев Клязьмы), причем, результаты этих раскопок нельзя назвать богатыми.

Н. И. Лебедевой во время ее этнографических работ в Калужском Полесьи (в пределах Калужской и Брянской губ.) осмотрено и частью обследовано для Музея Ц.-П. О. довольно большое количество памятников: преимущественно курганных могильников, славянских городищ и лишь в малой степени памятники культуры городищ, повидимому, Дьякова типа.

О. Н. Бадером, в целях проверки полученных данных о якобы имевших место находках предметов неолитической культуры, было произведено обследование в районе ст. Щелково, Сев. ж. д. в Московском уезде, при чем осмотрено и частью детально обследовано несколько курганных групп на р.р. Клязьме и Воре с общим числом курганов около 250.

В заключение считаю нужным сказать, что почти всякая работа палеоэтнологического под'отдела Музея Ц.-П. О., как в своей подготовительной части, так и в процессе полевого исследования, проходила при тесной непосредственной связи с местными краеведческими силами, в результате чего целый ряд местных работников краеведения Ц.-П. О., после некоторого времени совместной работы, получили возможность ведения самостоятельных работ, например, по составлению карточных каталогов памятников, по ведению палеоэтнологических обследований и т. п.

ПРОТОКОЛЫ

ЗАСЕДАНИЙ ПЕРВОГО СОВЕЩАНИЯ ПАЛЕОЭТНОЛОГОВ Ц.-П. О.

1.

Утреннее 1-е заседание 27 мая 1926 г.

Директор Государственного Музея Центрально-Промышленной Области **В. В. Богданов** открывает 1-е совещание палеоэтнологов Ц.-П. О.

Избирается Президиум Совещания в составе: **А. А. Спицына, В. А. Городцова, В. И. Смирнова, Б. С. Жунова.**

Секретарями совещания избираются **О. Н. Бадер** и **А. А. Мансуров.**

Председательствует на заседании **В. И. Смирнов.**

В. В. Богданов приветствует совещание от имени Ученого Совета Государственного Музея Центрально-Промышленной Области. **В. В. Богданов** отмечает, что палеоэтнологическая специальность является особенно трудной специальностью, так как трудно укладывается в территориальные границы области, и указывает, что перед палеоэтнологами Ц.-П. О. стоит огромная, еще почти неразрешенная задача изучения и выявления доисторических культур области. Далее, **В. В. Богданов** выражает особую благодарность „патриарху“ русской археологии **А. А. Спицыну**, прибывшему на наше 1-е Областное палеоэтнологическое Совещание. (Совещание приветствует аплодисментами присутствующего на заседании **А. А. Спицына.**)

В. И. Смирнов оглашает повестку дня Совещания и просит в перерыв сделать заявки на предполагаемые доклады, в дополнение к повестке дня Совещания.

Слово для доклада предоставляется **А. А. Спицыну.**

А. А. Спицын. Я дам учет памятников Ц.-П. О. с краткой их характеристикой, мой доклад информационного характера. Предлагаю по каждому отделу, начиная с палеолита, немедленно высказываться с мест. Начнем с Карачарова. Мадлен ли это, или палеолит с примесью макролита? Надо решить этот вопрос. Может быть, макролит это не переход от палеолита к неолиту, а ранняя фация неолита без керамики. Тверь в этом отношении чрезвычайно интересна. Другой вопрос—это микролиты. Они имеют широкую область распространения. **А. А. Спицын** просит сделать добавления.

А. Я. Брюсов указывает на р. Илемну в Муромском уезде, давшую макролитическую индустрию.

Б. С. Жунов указывает на микролитодную культуру стоянки у д. Горшихи под Балахной, затем стоянок в Костромской губернии, но уже с керамикой; сходная культура известна в Волосовском районе, по стоянке Елин Бор. Макролиты есть в „классическом“ Волосове, в Льялове и проч.

А. А. Лявданский. В Вяземском у. имеется неисследованная макролитическая стоянка, известная **П. П. Ефименку.**

А. А. Спицын продолжает: Неолит Ц.-П. О.—классический с удивительно благоприятными условиями. Его необходимо особенно энергично изучать. Весьма важны для изучения Новгородская и Тверская губернии. На озере Пирос в Тверской губ.—имеется поразительно богатая стоянка; И. А. Виноградов обязан ее исследовать или следить за ней. Другой тип—неолит Средне-Волжский, распространенный по Оке, и, быть может, до Харькова. Третий тип—Костромской: Галич, Чухлома (Векса и др.) В. И. Смирнов нашел в 1925 году стоянку Борань, откуда уже теперь взято много пудов обломков керамики. Разобраться в этой культуре чрезвычайно трудно. Здесь должны помочь обломки керамики. Несколько подобных же стоянок найдено М. И. Смирновым на Переяславском озере. Из неолитических стоянок Льяловская стоянка исследована впервые в истории русской археологии вполне научным путем. Важно изучать так стоянки, их статиграфию, их образование. Крупнейший центр неолита—Волосово. Наиважнейшая задача археологов Ц.-П. О. — исследование Волосовской стоянки. Сперва же нужно хотя бы учесть и описать всю Волосовскую керамику.

Особый тип средне-русского неолита—Окско-Смоленский, надо изучать его.

А. А. Спицын просит присутствующих высказаться.

Б. С. Жунов подчеркивает, что первые работы—сводки в области неолита принадлежат А. А. Спицыну, и говорит далее о значении культур Волосовского района.

А. Я. Брюсов информирует, что в Историческом Музее недавно происходила разборка материалов из Волосова.

А. Н. Лявданский сообщает, что в Смоленском Музее имеется около 20 планшет из коллекции Рериха с озера Пирос; есть там и сетчатая, „Дьякова“ типа керамика.

А. И. Иванов добавляет о Волосове, указывая, что этот район чрезвычайно богат памятниками. Ф. Я. Селезнев собрал там большой материал. Надо заняться обследованием этого района.

Б. С. Жунов указывает, что работы по р. Теше в предстоящем году будут организованы систематически Антропологическим Институтом 1-го М. Г. У. и Музеем Ц.-П. О.; в районе Вязников—намечается обследование.

А. А. Спицын продолжает: „Костянный период“ имеет большое значение для ряда вопросов, в особенности финских, т. к. финны, повидимому, пришли в костянный период. На дюнах, как правило, кость пропадала, имеются лишь находки в торфе. Есть костянный век в Московской губернии, даже в Волосове; имеется он также в Смоленском, Костромском, Бежицком районах. Нижний слой Дьякова и подобных ему городищ, это костеносные городища. На Ветлуге в этом году проведены по ним капитальнейшие работы: различены два слоя костеносной культуры.

А. Я. Брюсов указывает, что к числу костеносных городищ может быть отнесено Каширское в Моск. губ., исследованное в 1925 г. В. А. Гордцовым.

Д. Н. Эдинг: Ближайшая аналогия—городище Топорок.

Б. С. Жунов указав, что на Ветлуге установлены даже не два, а три слоя, приглашает членов Сопещения на специальную выставку добытого последними раскопками материала в Антропологическом Ин-те 1-го М. Г. У., монтируемую для Сопещения.

С. С. Деев сообщает, что на р. Десне у с. Костылева в Трубчевском у. Брянской г. расположена так называемая Кудельярова Гора. С. С. Деев сделал там пробную траншею глубиной в 2 метра и нашел обожженную кость и примитивные орудия—(„брянские эолиты“) между слоями мела и глины.

А. А. Спицын продолжает: Медный век у нас хорошо выражен. Фатьяновская культура в настоящее время известна от Балтики до Суры и от Десны до Каргополя. В Тверской губернии она представлена классически. У В. И. Смирнова недавно найден могильник против Костромы, могильники трудно отыскивать, можно найти их только случайно. В Брянской губ. имеется Брасовский могильник и около него не вдалеке следы той же культуры. 2-я стадия Фатьяновской культуры—Сейма.

Хвалынская культура известна от Казани до Царицына, к западу; быть может, до Днепра. Она связывается с керамикой Волосовского могильника. Новая культура открыта у с. Поздняково Муромск. у., у с. Подборное Касимовск. у. Вязниковский район, повидимому,—территория распространения той же культуры.

Культура на Ушне, обследованная Смирновым Арсением и другими у с.с. Борисоглебского, Курьянова и др.,—повидимому, тоже Поздняковская культура.

В. И. Смирнов отмечает интерес Галичского района в смысле содержания культур бронзовой эпохи.

Б. А. Нуфтин: Культура Подборновская открыта нами и у Тырновой слободы на р. Оке, имеет сходство с нижним слоем Кобяковского городища, исследованного А. А. Миллером.

А. А. Спицын отмечает сходство ее с хвалынской культурой.

А. А. Спицын продолжает: Бронзовый век известен по могильнику у Волосова, по кельтам Московской губ. и другим. Находки у д. Ефаново в Муромском у., очевидно,—ранняя бронза.

О. Н. Бадер: информирует, что в 1924 г. он был в Ефанове, искал погребений, шурфовал, но ничего не нашел.

А. А. Спицын продолжает: После бронзового века вплоть до VI в. мы ничего не имеем, с VI века появляются финны, появляются Дьяковы городища. Близ г. Костромы у Александровой горы обнаружена Дьякова керамика, так же как и на стоянке Борань у В. И. Смирнова. Дьяковы городища относятся к VI-VIII в.в. Смоленские курганы дают находки Дьякова типа. Говоря о распространении культуры Дьяковых городищ, нужно отметить, что до последнего времени не было сведений о городищах Дьякова типа во Владимирской губернии. Однако, в последние годы здесь обнаружено одно. В Нижегородской губернии неизвестно ни одного городища Дьякова типа, может быть лишь потому, что их не найдено. Может быть, южно-русские городища напоминают ранние городища Дьякова типа.

Перейдем к финнам. Муром и его окрестности—главный центр финских культур. Новый метод изучения финских могильников принят П. П. Ефименко (изучение по отдельным погребениям). Датировка финских могильников,—начиная от VI века.

Гомониха близ Костромы дала, повидимому, финские вещи; надо исследовать этот памятник.

Финских могильников кроме окского района мы не знаем. Что такое Меря? Надо копать Владимирские курганы. У Уварова лишь в Шую чистые финны XI века. Далее, культура Мери известна севернее, в Костромской губернии, где она немного более поздняя. Надо искать ее и исследовать. К Мере часто заходили норманны; около нее они жили.

Б. А. Нуфтин сообщает о раскопках Синькова городища в Дмитровском уезде Московской губ., окруженного селищами. Датировка V-VI в. и позднее мало вероятно; в одновременных финских могильниках керамики нет. Остановившись на поздних финских курганных могильниках, Б. А. Нуфтин указывает на интерес, представляемый Владимирской и Рязанской губерниями и сообщает о своих недавних раскопках у с. Нармы на р. Гусь.

А. А. Мансуров информирует, что всего 3 дня назад В. А. Городцов на городище старой Рязани нашел 3 монеты, относящиеся к 250 г.

А. И. Иванов делает обзор финских могильников Владимирской губернии.

Б. С. Жунов говорит о важности проследить распространение городищ окских типов и распространения городищ к востоку.

О. Н. Бадер, отвечая А. И. Иванову, говорит, что Спас-Седчинское городище Муромского у. нельзя датировать, т. к. оно без слоя и находок, что установлено его (Бадера) обследованиями.

А. Н. Лявданский в Смоленской губ. знает десятки крутых городков без слоя.

А. А. Спицын продолжает: перейдем к Славянам; нам известны русские курганы и русские городища. Городков обследовано мало, они нам сейчас как раз не очень интересны, да и самое исследование их—дело очень трудное.

В. И. Смирнов объявляет утреннее 1-е заседание Совещания оконченным.

2.

Вечернее 2-е заседание 27 мая 1926 г.

Председательствует **А. А. Спицын**.

Слово предоставляется **О. Н. Бадеру** для доклада: „О палеоэтнологических обследованиях и составлении районных каталогов памятников“ (см. автореферат).

А. А. Спицын: С большой похвалой нужно отнестись к этой работе.

Доклад оставляет сильное впечатление.—Дело разведки серьезное, надо готовиться к нему. Приветствую стремление к методической разработке вопросов.

Особенно важны „листочки“, карточки. **А. А. Спицын** думает, что нет иного приема первой регистрации как, составление „листочков“, и говорит далее о значении карточек. Затем **А. А. Спицын** спрашивает „старших археологов“, не имеется ли у них методических указаний, не учтенных докладчиком.

А. Н. Лявданский указывает на желательность иметь в виде дополнительного снаряжения буров и шуп. Указывает на возможность изображения топографии местности штрихами, а не горизонталями и делится опытом своей работы в Смоленской губ.

А. А. Спицын: У меня 50—60 тысяч карточек. Мои карточки расположены по культурам. Этот прием я считаю более практичным. Хорошо, что собираются сведения о сотрудниках. О них мы обычно забываем. Я дневника не веду. На каждую тему заполняю листок. Вообще же, каждый исследователь субъективен, поэтому нельзя всех обременять дневниками.

Вопрос о регистрации памятников,—вот еще серьезнейший вопрос. Это—дело местных краеведов. К сожалению, еще нет для них специальной инструкции по учету и охране памятников. Надо же срочно спасать то, чему грозит неминуемая гибель.

Что касается нивелировки, то прежде я довольствовался лишь зарисовкой контуров. **В. А. Городцов**, как и **А. А. Миллер**,—предлагают своим студентам делать гипсометрические с'емки, что следует приветствовать.

Б. С. Жунов указывает, что система, изложенная **О. Н. Бадером**, дает возможность сейчас-же приступить к тому учету памятников, о котором говорит **А. А. Спицын**. **Б. С. Жуков** подчеркивает необходимость составления карточек на лиц, а также составления последующих протоколов состояния учтенных памятников.

Н. Г. Первухин говорит, что имеется мало надежды сохранить памятники, и ссылается на опыт Ярославского Губмузея, на перегруженность работой местных работников и на недостаток средств. Надо или закрыть Губмузей, либо дать им возможность работать.

Объявляется короткий перерыв.

После перерыва слово предоставляется Б. С. Жукову для доклада: „Из новейшей методологии изучения культур стоянок и городищ“ (см. автореферат).

А. А. Спицын отмечает значение работ Б. С. Жукова, взявшегося за обработку материалов с точки зрения многих дисциплин, и не скрывает своего уныния по поводу сложности метода и недоступности его для широких слоев археологов, не имеющих вспомогательных специальных лабораторий.

По его мнению, местным деятелям не надо пугаться громоздкости изложенных требований, можно работу производить более просто и доступно с использованием обычных методов старой школы.

А. Н. Лявданский считает, что уточнение методов надо приветствовать, но на местах это далеко не всегда возможно по целому ряду условий.

А. А. Сицын. Если этот доклад заставляет стремиться к чему-то высшему в смысле обработки и уточнения методов, то цель доклада достигнута.

А. Я. Брюсов задает вопрос: как Б. С. Жуков относится к методам изучения технической целесообразности орудий труда?

Б. С. Жуков ответил, что он считает такое изучение весьма ценным, но не первоочередным. Сам Б. С. Жуков не занимался разработкой этих методов. В заключительном слове по своему докладу Б. С. Жуков отмечает, что он не хотел блеснуть методами, как, может быть, его поняли, но стремился указать на возможность уточнения метода и на желательность стремиться к этому.

Председательствующий объявляет 2-е заседание Совещания оконченным.

3.

Утреннее 3-е заседание 28-го мая 1926 года.

Председательствует **Б. С. Жуков.**

Слово для информационного доклада о палеоэтнологических работах в Тульской губернии за последние годы предоставляется научному сотруднику Тульского Художественно-Исторического Музея **М. А. Дружинину** (см. автореферат).

Н. Г. Первухин задает вопрос: Отпускают ли по Тульской губернии средства на командировку по учету и охране памятников?

М. А. Дружинин: Музей состоит на местном содержании и имеет в год на научную работу около 90 рублей. Средств мало, на командировки они не отпускаются.

И. А. Виноградов спрашивает: куда попало древлехранилище Троицкого?

А. А. Дружинин: Оно легло в основу Художественно-Исторического Музея.

А. А. Спицын указывает докладчику на широкие отжимные орудия из черного кремня из сборов Апухтина в Тульской губернии. Это коллекция единственная в своем роде, надо тулякам идти по следам Апухтина. Затем, очередной темой для тульских работников являются, по мнению А. А. Спицына, Дьяковы городища. Курганы с сожжением в каменных и деревянных ящиках IX-го века есть под Орлом; это известно из работ В. А. Городцова. А. А. Спицын думает, что они принадлежат вятичам, но без полной уверенности. В Тульской губ. нет курганных погребений, только вышеуказанные, а также и сторожевые курганы.

Отвечая на другие вопросы, М. А. Дружинин заявляет, что производить раскопки туляки пока не собираются, но дело обследования ведут и будут усиливать. Городище Тулицкое будет обследовано в этом году.

Б. С. Жунов советует не увлекаться сборами дублетных обменных материалов, лучше брать свой свежий материал из обследований.

Слово для доклада по Калужской губернии предоставляется **В. В. Ассонову** (см. автореферат).

А. А. Спицын полагает, что о Булычеве надо сказать больше. В его работах отразились Фатьяновские могильники, ряд городищ, кладов, курганы. Некоторые работы Булычева были прекрасно изданы. Где материал его находок?

В. В. Ассонов. Коллекции Булычева находятся в Российском Историческом Музее в Москве.

В. В. Богданов: Что предполагается в дальнейшем в области палеоэтнологического изучения губерний?

В. В. Ассонов: О планах я намеренно не говорил.

Б. С. Жунов просит докладчика сказать о его собственных работах.

В. В. Ассонов: Я провел лишь незначительные разведки по р. Оке и другим районам. Мне и д-ру Попову поручено собирание материалов к археологической карте губернии, что постепенно и выполняется.

О. Н. Бадер говорит, что материалы по археологической карте Калужской губернии собираются и будут собираться, и указывает, в виде примера, на недавние сборы материала по Жиздринскому у. **В. В. Ассонова** и свои.

Слово для доклада по Брянской губ. предоставляется **С. С. Дееву** (см. автореферат).

И. А. Виноградов задает докладчику вопрос: кто лишил права Заведующих Музеями производить в нужных случаях предохранительные раскопки?

С. С. Деев: Главнаука сперва давала открытые листы, а в этом году сделала отметку о недопустимости.

И. А. Виноградов заявляет, что он тоже подавал заявку на лист, но в Москве страшная волокита, было напечатано заявление, заставили написать от руки, а между тем приезжают целые школы из Ленинграда, копают, материал увозят, зарывають.

А. А. Спицын разъясняет: это общее мероприятие Главнауки, это не персонально. Напрасно не обратились в Академию Истории Материальной Культуры. В деле археологического изучения Брянской губ. мы вполне доверяемся **С. С. Дееву**. Второй работник Брянской губ. это Романов, который сделал отличные открытия по неолиту.

С. С. Деев добавляет: Васинский в Бежецке—еще один из ценных краеведов, историк по специальности.

А. Н. Лявданский замечает, что нужно быть очень осторожным в поощрениях населения в деле сбора археологического материала и оплаты находок; начинают рыть со специальной целью добычи материала.

Б. С. Жунов думает, что разведки без нарушения целостности памятников могут производиться без листов, что-же касается обследований с шурфовкой, которые многие из краеведов-археологов производить могут, то вопрос о них нужно принципиально выяснить в Главнауке и провести через нее в Методическую Комиссию, хорошо-бы в виде постановления нашего совещания.

А. А. Спицын последнюю мысль поддерживает. Возвращаясь к вопросам, поднятым **С. С. Деевым**, **А. А. Спицын** говорит: что касается разрушающихся курганов, пятен на пашне, то их без всякого колебания надо сейчас-же раскапывать, сообщая об этом в Главнауку, Государственную Академию Истории Материальной Культуры и, в первую очередь, в местный исполком.

Слово предоставляется **А. Н. Лявданскому** для доклада: „Городища Смоленщины“ (см. автореферат).

Н. Г. Первухин интересуется, на каком расстоянии находятся селища от городищ.

О. Н. Бадер считает, что необходимо исследование поздних славянских культур в городищах, селищах. Нельзя считать городища, указанные докладчиком т. е. их дославянский подслон—дьяковым, это, повидимому, особая фация культуры городищ без сетчатой керамики.

А. Н. Лявданский: Я говорю лишь о сходстве с Дьяковой культурой.

И. А. Виноградов: Нет ли поблизости от городищ—курганов?

А. А. Спицын говорит с похвалой о всей работе А. Н. Лявданского. Городища этого типа могут быть литовскими.

Б. С. Жунов просит сказать о взаимоотношении селищ и городищ, о распространении отдельных типов по всей территории Смоленской губ. Издастся ли материал по обследованию городищ?

В. В. Богданов: У Никифоровского есть указания о примитивности рыболовных орудий в некоторых районах, подражающих костяным орудиям. Нет ли аналогий в Вашем археологическом материале?

А. Н. Лявданский отвечает на заданные ему вопросы. Городища по Смоленской губ. мною прослежены, есть везде. Некоторые из них окружены селищами непосредственно. Издаю материал, но это чрезвычайно трудно по причинам материального порядка.

С современными орудиями в моем материале аналогии имеются, но такие аналогии прослеживаются не всегда и не вполне (костяные ножицы, отпечатки тканей). Можно считать, что на 80-70% имеется сходство современных крестьянских орудий с орудиями XI—XII веков.

Б. А. Куфтин указывает на то, что тип косы—горбуши заменился у нас косой литовкой довольно поздно. Интересно проследить смену типов топоров. Гончарный круг по остаткам керамики выступает перед нами определенно; интересно распространение отдельных его типов.

Слово предоставляется А. Н. Лявданскому для второго доклада „Неолитические стоянки Смоленского уезда“ (см. автореферат).

§§ **Б. С. Жунов** указывает, что находка очага является большой редкостью, надо продолжать исследование. Если очаг будет установлен, хорошо-бы сделать гипсовый слепок его для Музея.

Слово предоставляется Б. А. Куфтину для доклада: „О методах изучения преемственности погребенных и современных племенных культур“ (см. автореферат).

А. А. Спицын подчеркивает важность опираться в деле изучения поздних славянских и финских могильников на данные современные этнографические, но говорит также о соответствующих трудностях и о старых материалах, которые в этом отношении для нас пропали. Одежда замурованных в некоторых храмах погребений должна быть много. Надо обращать внимание на исследование костюма, например, черемисских погребений. Вопрос о расовой принадлежности чрезвычайно важен. Каменный век России принадлежал по мнению А. А. Спицына арийцам, материал для доказательства у нас в руках. Медный век—ярко восточный, с арийцами, очевидно, не связанный. Ключом к решению вопросов медного века может быть Вавилон.

В. В. Богданов говорит о множестве деталей, как, например, культовые погребения животных, которые в самый момент исследования нужно иметь в виду.

А. Н. Лявданский напоминает об остатках культа трупосожжения у современных смолян.

А. Я. Брюсов: часто в курганах имеются остатки кожанной обуви, что имеет большое значение.

О. Н. Бадер: По докладу Б. А. Куфтина надо отметить, что необходимо обращать тщательное внимание на всякую мелочь при исследовании

погребений. Жаль, что Б. А. Куфтин не иллюстрировал своего доклада богатыми материалами детальных зарисовок из его курганных раскопок.

Б. С. Жунов присоединяется к О. Н. Бадеру и указывает, что необходимо применять весьма сложные приемы фиксации и исследования деталей при раскопке погребений. Весьма важно брать также и скелетный материал. Бросать его не только ошибочно, но и преступно.

Б. А. Куфтин, отвечая на вопросы, считает, что А. А. Спицын прав, говоря о важности для нас, русских археологов, культур Вавилонских, переднеазиатских, однако, в наших заключениях надо опасаться слишком далеких сопоставлений, надо устанавливать так называемые культурные мосты. **Б. А. Куфтин** благодарит **А. А. Спицына**, **О. Н. Бадера** и **Б. С. Жукова** за поддержку в смысле необходимости тщательной фиксации деталей и их положения по отношению ко всему погребению.

Председательствующий объявляет 3-е заседание Сопоставления окончанным.

4.

Вечернее 4-е заседание 28 мая 1926 г.

Председательствует **В. И. Смирнов**.

Предоставляется слово для доклада по Тверской губернии **И. А. Виноградову** (см. автореферат).

Н. Г. Первухин спрашивается о коллекции **Симсона**.

Е. Н. Басова замечает, что она будет об этом сейчас говорить.

А. А. Спицын: В Твери дело изучения обслуживается в полной мере Тверским Музеем. Это целая школа. Коллекции Тверского Музея освещают многие вопросы не только Тверской губернии, но также и соседних: Ярославской, Смоленской.

Б. С. Жунов спрашивает, что стало с коллекциями бывшего студента **И. М. Г. У.— А. Д. Воронцова**?

А. И. Виноградов: **А. Д. Воронцов** очень болен, коллекции у него на руках небольшие, но у него имеются большие письменные материалы. По состоянию его здоровья сейчас нельзя с ним говорить о передаче их музею.

Е. Н. Басовой предоставляется слово для доклада: „Каменный период под г. Ржевом“ (см. автореферат).

А. А. Спицын поддерживает все положения докладчицы.

В. В. Богданов дает справку по истории основания Ржевского Музея, отмечает роль **Симсона** в этом деле и указывает на необходимость привлечения краеведов к подлинному научному исследованию.

А. А. Спицын говорит, что у **Симсона** была поэтическая, впечатлительная и симпатичная душа. Это до некоторой степени объясняет его поведение, его поиски.

И. А. Виноградов указывает, что **Симсон** был, главным образом, историк.

Слово для доклада по Рязанской губернии предоставляется **А. А. Мансурову** (см. автореферат).

В. В. Богданов освещает историю вопроса о раскопках Старой Рязани; задает вопрос о составе участников предположенных в 1927 году раскопок и о средствах, предостерегая начинать дело со слабыми силами.

А. А. Спицын говорит о видах на рязанский палеолит, о рязанском неолите и отмечает богатство губернии финскими могильниками. Прекрасно, что собирают материал к археологической карте. Работы в Старой Рязани сейчас не спешны, поэтому можно было бы с ними подождать.

А. Я. Брюсов замечает, что при издании археологической карты губернии нельзя обойтись без обильных материалов, имеющих у **В. А. Городцова**.

А. А. Мансуров: Исследования старой Рязани будут произведены Рязанским Музеем (2 участника) и Историческим Музеем в Москве (Д. Н. Эдинг и Н. Д. Протасов) под общим руководством В. А. Городцова. Будет ассигновано от 2-х до 3-х тысяч рублей. В заключение А. А. Мансуров заявляет, что Рязань несчастлива близостью с Москвой: всякий работник, поднявшись на уровень выше среднего, — сбегает в Москву. А. А. Мансуров приглашает А. А. Спицына побывать в Рязани.

Слово предоставляется **Б. А. Нуфтину** для доклада о его работах под Касимовым (Подборное) с демонстрацией части коллекции (см. автореферат).

М. А. Дружинин задает вопрос об условиях задегания предметов.

А. А. Спицын: культура замечательная. нужно продолжать исследование ее. Предлагает (быть может О. Н. Бадеру) сделать сообщение о ней на предстоящем Керченском Археологическом съезде.

Слово для доклада предоставляется по Скопинскому у. Рязанской губернии **Н. П. Милонову** (см. автореферат).

М. А. Дружинин предлагает поднять от имени Совещания вопрос о доведении, наконец, до сведения властей на местах о существовании декретов об охране памятников.

А. Н. Лявданский просит докладчика сказать подробнее о славянском городке.

А. Я. Брюсов предлагает распространять циркуляры об охране на местах самим исследователям.

А. Н. Лявданский: можно помочь, как в Смоленской губ., рассылкой циркуляров на места через Губоно и школы.

А. И. Иванов: мы тоже распространяли декреты через Губисполком, и результаты хорошие.

Б. С. Жунов: Вопрос об учете и охране тесно связан с вопросом территориальных обследований. Нужно просить Наркомпрос воздействовать на места через Отделы Народного Образования или органы Наркомвнудел.

И. А. Виноградов: нужно являться на местах почти на всякую конференцию и говорить об этом.

С. С. Деев: Во Владимире не расхищают не потому, что Исполком издавал запрещения, а потому, что там много исследуют.

А. А. Спицын предлагает вынести соответствующую резолюцию в форме пожелания.

В. В. Богданов полагает, что нужно дать лишь материал резолюции в Главнауку, там его оформят.

Н. П. Милонов отвечает на заданные ему вопросы.

А. Н. Лявданский: славянским слоем городищ может быть более древний.

А. А. Спицын отмечает, что от работ докладчика веет свежестью.

Н. И. Лебедева: Работа Н. П. Милонова свежа и потому, что территория Скопинского у. свежа, неизучена. Интересны материалы по культуре городищ; может быть, они Городецкого типа; на них часто отмечаются 2 слоя: „дьяковский“ и „финский“. Затем интересны курганы — одиночки в уезде, сторожевые или кочевнические; надо изучать их.

А. А. Спицын говорит о курганах одиночках, об области их распространения, указывает на необходимость исследовать их.

Б. С. Жунов: Скопинский Музей неустойчив, вещи могут пропасть, нельзя ли передать их временно в Рязанский Музей?

В. В. Богданов предлагает довести об этом до сведения Музейного Отдела Главнауки.

Н. П. Милонов: пока коллекции в сохранности, но штата у Музея нет.

А. А. Спицын предлагает резолюции не выносить, а вынести лишь пожелания.

В. В. Богданов повторяет, что необходимо вынести решение и передать в Главнауку.

Слово для доклада по Ярославской губернии предоставляется **Н. Г. Первухину** (см. автореферат).

А. И. Иванов вносит предложение о сокращении времени докладов. Собрание решает докладов не сокращать. **А. И. Иванов** предложение снимает.

Д. А. Ушанов от Ростовского Музея передает доклад **Д. Н. Эдингу**.

Б. С. Жунов высказывается по докладу **Н. Г. Первухина**: почему нет в Ярославле интересующихся? Нужна связь с Москвой, нужно провести исследовательские работы, это заинтересует.

А. А. Спицын поддерживает **Б. С. Жукова**.

В. В. Богданов удивляется отсутствию интереса именно в Ярославле, где должна была бы сохраниться преемственность по прежним работам.

Н. Г. Первухин отвечает и, между прочим, указывает, что много средств и сил в Ярославле уходит на реставрацию памятников архитектуры и искусства.

Слово для доклада предоставляется **Д. Н. Эдингу** об обследовании Сарского Городца (см. автореферат).

А. А. Спицын отмечает трудность исследования Городца. Говорит о возможных расслоениях материала с наиболее древним комплексом „Дьяковым“. Указывает на редкость некоторых найденных **Д. Н. Эдингом** вещей.

А. Н. Лявданский проводит ряд аналогий с материалом из Гнездова.

Б. С. Жунов: трудно разобраться в материалах Сарского Городца, но необходимо продолжать его раскопки.

Д. Н. Эдинг в заключительном слове указывает, что продолжение раскопок Сарского Городца Ростовским Музеем не предполагается.

Председательствующий объявляет 4-е заседание Собрания окончанным.

5.

Утреннее 5-е заседание 29 мая 1926 г.

Председательствует **Б. С. Жунов**.

Слово для доклада по Костромской губернии предоставляется **В. И. Смирнову** (Кострома). Докладчик *) между прочим указывает на то досадное обстоятельство, что **Л. Н. Казаринов** не может получить открытого листа, несмотря на то, что он 1) единственный чухломский краевед, 2) очень осторожен, 3) развивает деятельность музея, который им уже создан. (При 1^{1/2} тысячи жителей Чухломы у **Л. Н. Казаринова** в музее бывает 6.000 посетителей в год).

В будущем году 15 мая исполняется 15-ти-летие Костромского Научного Общества, приглашаю устроить, в связи с этим, следующее Областное палеоэтнологическое совещание в Костроме, после чего всем совещанием отправиться на Борань для раскопок.

Чем больше мы работаем, тем больше у нас недоразумений: есть-ли у нас действительно неолит, микролит? Не является ли железом Фатьяново?

А. А. Спицын: Если **В. И. Смирнов** недоумевает и унывает, то ведь это свойственно всем археологам. Если работой недовольны сами, то это показывает лишь то, что работа ведется внимательно и хорошо.

*) Автореферат доклада **В. И. Смирнова** не получен. Ред.

В. И. Смирнов не сказал, но я скажу, что он составил прекрасную археологическую карту своего края.

А. А. Спицын говорит об открытом листе Л. Н. Казаринова: почему не дали? надо было испрашивать через Государственную Академию Истории Материальной Культуры.

В. В. Богданов: по опыту решений этнологического и биологического Областных совещаний предлагает устраивать следующие совещания на местах, не отдельно по специальностям, а шире, например, совещание Культурно-Историческое или Биологическое. Принципиально с созывом следующего палеоэтнологического совещания в Костроме В. В. Богданов согласен.

И. А. Виноградов: наши Совещания есть восстановление старых традиций Областных Археологических Съездов, которые в свое время имели огромный успех.

В. В. Богданов освещает историю и преимущества областных палеоэтнологических совещаний и взгляд на них Музея Ц.-П. О., взявшего на себя инициативу их возобновления, как и организацию совещаний по другим специальностям.

А. А. Спицын так-же соглашается с предложением В. И. Смирнова о созыве следующего совещания в Костроме. Однако, будет принципиально правильным, если созывать будет Москва.

В. В. Богданов: какова связь между Костромским Музеем и Научным Обществом в деле издания?

В. И. Смирнов: совещание наше бьет по краеведению, также как и издания Музея бьют по Научному Обществу. Это назревающий конфликт, также как и наши совещания. Однако, мы смотрим выше этого.

В. В. Богданов предлагает самым горячим образом приветствовать Кострому, Музей и Научное Общество в лице В. И. Смирнова (аплодисменты).

Слово для доклада предоставляется **Я. А. Брюсову:** Раскопки под г. Чухломой летом 1925 г. (см. автореферат).

А. А. Спицын: надо вести работы по северу, и они пойдут по следам старых работ. Открытие жилищ чрезвычайно важно. Надо установить, подлинный-ли это неолит. А. А. Спицын подчеркивает трудность таких раскопок.

Б. С. Жуков: необходимо уточнить анализ слоев и их деталей, т. к. каждую землянку надо доказать неоспоримо. Неолит-ли это не хронологически, по сравнению с другими областями, а по этнологическому облику культуры? Далее Б. С. Жуков излагает свой взгляд на историю смены неолитических культур севера и говорит о почтенности задач его изучения.

А. Н. Лявданский указывает на аналогии землянкам на р. Вексе в Смоленской губернии.

В. И. Смирнов задает вопрос: где будет храниться материал? Не будет ли что-либо передано и в Чухломской Музей, который оказал такое большое содействие раскопкам?

А. Я. Брюсов отвечает о датировках, о землянках, их неоспоримой достоверности и о возможностях передачи коллекций в Чухлому из Исторического Музея.

Слово для доклада по Владимирской губ. предоставляется **А. И. Иванову** (см. автореферат).

А. А. Спицын: похвально составление археологической карты. Нужно обратить внимание на Волосово, пока почти исключительно на него.

Б. С. Жунов: Карачарово должно внушать осторожность при подходе к нему.

В. В. Богданов: Карачаровские коллекции должны быть восстановлены в Муроме.

И. А. Виноградов: Да, нельзя оголять периферию, нельзя увозить все в центр.

Б. С. Жунов: Музеи центра должны отказаться от излишней жадности. Пути сообщения имеются, и исследователь может примириться с оторванностью от коллекций своих раскопок. Определенную позицию в этом отношении занял Антропологический Научно-Исследовательский Институт, не претендующий в большинстве своих работ на вывоз коллекций в Москву. **Б. С. Жуков** отмечает также необходимость введения плановости в работы.

А. А. Спицын предлагает довести до сведения Главнауки, что палеоэтнологическое совещание считает Муром и его район культурно-историческим центром. Особенно ценным в отношении истории культуры, преимущественно древней. Музей в Муроме должен быть признан музеем государственного значения и переведен в соответствующую категорию.

А. И. Иванов: Муромский Музей должен быть Государственным Музеем. Плановость палеоэтнологических работ мы приветствуем.

Слово для доклада (по Нижегородской губ.) берет **Б. С. Жунов** (см. автореферат).

В. В. Богданов: В Нижнем-Новгороде нездоровая атмосфера, нет интереса к своему краю.

А. А. Спицын одобряет работу Нижегородского Музея и **Б. С. Жукова**.

В. И. Смирнов задает **Б. С. Жукову** вопрос: на Унже предположены палеоэтнологические работы экспедиции Антропологического Института в этом году; но куда пойдут коллекции? Может быть, Костромской Музей сможет помочь?

Б. С. Жунов: в Нижнем есть краеведы. Материал с Унжи в этом году может быть передан в Кострому, если Музей окажет материальную помощь.

В. И. Смирнов заявляет, что его удовлетворяет постановка дела в Антропологическом Институте в отношении „не-цепляния“ за материал.

Председательствующий объявляет 5-е заседание Совещания окончанным.

6.

Вечернее 6-е заседание 29 мая 1926 г.

Председательствует **Б. С. Жунов**.

Слово предоставляется **А. А. Спицыну** *) для доклада о палеоэтнологических исследованиях по Ивано-Вознесенской губернии.

В. И. Смирнов интересуется, распространяется ли „Открытый лист“, выданный на Костромскую губернию, также и на Ивано-Вознесенскую губернию, имея в виду один из памятников Нерехотского района.

Слово предоставляется **А. Я. Брюсову** для частной информации о работах группы молодых археологов в Московской губернии (см. автореферат).

М. А. Дружинин интересуется, напечатаны ли результаты перечисленных работ?

Н. Г. Первухин говорит о необходимости связи с местами для плановости работ.

*) Автореферат не получен.—Ред.

И. А. Виноградов: надо в конце нашего совещания создать план работ для всех работников Ц.-П. О. по отдельным территориям.

В. В. Богданов предлагает поручить составить этот план А. А. Спицыну и Б. С. Жукову и приобщить его к материалам в виде пожеланий. Далее, В. В. Богданов говорит о желательности издания авторефератов сделанных на совещании докладов.

М. А. Дружинин: Музей Ц.-П. О. должен вести библиографию по Области.

А. А. Спицын: наши пожелания не обязательны. Кроме того, дать план работы для каждого уголка чрезвычайно трудно. Лучше, быть может, просить сделать это хотя-бы частично В. А. Городцова, это тема его доклада.

Б. С. Жуков предлагает стоящую на повестке его информацию о деятельности Антропологического Института 1-го М. Г. У. (см. автореферат) сделать при посещении Института членами Совещания для обозрения специальной выставки результатов работ, полевого и лабораторного инструментария и пр.

Совещание это предложение принимает.

Далее, **Б. С. Жуков**, сделав сводку сведений о работах мест, считает, что совещание было счастливо тем, что имело возможность дважды подойти к основным вопросам областной науки в Ц.-П. О., а именно: 1) по докладу А. А. Спицына и 2) по докладам с мест. Объявив список докладов по Совещанию исчерпанным, Б. С. Жуков отмечает целесообразность подобных нашему совещаний и желательность созыва палеоэтнологических совещаний в провинциальных городах.

Совещанием изъясляются пожелания: во-первых, в мае 1927 г. собраться на Совещание в Костроме, и во-вторых, дать авторефераты своих сообщений для приложений их к протоколам Совещания.

Далее, Совещанием принимается нижеследующее:

1) Желательность обращения в Главнауку с просьбой уточнения вопроса о разведках.

2) Констатирование недостаточности охраны памятников и необходимость в виду этого дружественного и активного участия в охране местных краеведческих деятелей и властей.

3) Признание необходимости объявления Муромского Музея Государственным.

4) Пожелание об организации Скопинского Музея.

Заключительное слово от имени Музея Ц.-П. О. произносит В. В. Богданов, отмечающий впечатление, полученное им от Совещания: состав Совещания — подвижники науки и преданные ей люди. Познание родины, говорит В. В. Богданов, проходит не под знаком величайших обобщений, часто недоступных и отвлеченных, а в перспективе и масштабе познания своей области. Натуральная связь чистой науки с нашим обществом — залог возрождения наших материальных и моральных сил в будущих поколениях. Я не преувеличиваю значение чистой науки. Как только заработало научное краеведение — все заговорили одним языком, очень древним девизом: „познай самого себя“. Музеи сильны своей научной работой. Ряд бывших музейных с'ездов пожелал перейти от организационных к научным вопросам. Это пожелание и выполняет Музей Ц.-П. О., созывая специальные научные конференции по изучению области.

В будущем мы ждем дальнейшего развития научных диспутов на областные темы.

Приветствие А. А. Спицыну „полевому профессору“, также, — ветерану губернской науки В. И. Смирнову и всем остальным работникам областной науки, так же как и „неожиданным“ гостям из Смоленска и

Брянска, пожелавшим узнать, как изучается соседняя область, т. е. Ц.-П.О. Поддерживая общее пожелание конференции о дальнейших созывах областных палеоэтнологических совещаний, будем надеяться на их несомненный успех. (Аплодисменты).

С. С. Деев: забыл, что я гость. Приходится ценить эти совещания. Я приеду в Брянск помолодевшим.

А. Н. Лявданский: я не ожидал оказанной мне встечи — оценка старших дает большую энергию работать. Еду домой еще с большей силой и верой в успех нашей общей работы.

В. И. Смирнов благодарит Музей Ц.-П. О. Я ехал с камнем за пазухой, но наличие совещания рассеяло все подозрения. Я глубоко ценю работу Музея Ц.-П. О.—я не находил лишь выхода из столкновения наших интересов. Но теперь я думаю, что работы хватит на всех. Я просто и от души благодарю Музей Ц.-П. О. за инициативу. Я желаю впредь всем нам время от времени видеться и в этом черпать нравственные силы.

О. Н. Бадер: одним из главных достижений Совещания является тот факт, что теперь все мы, палеоэтнологи Ц.-П. О., знаем друг-друга и лично, и по работе

А. А. Спицын: мы достигли огромного удовлетворения в своем настроении. Да здравствует областная археология, да здравствуют археологи, и да здравствует краеведение!

Председательствующий объявляет Первое Областное Совещание палеоэтнологов Ц.-П. О. закрытым.

СПИСОК

участников I-го Совещания палеоэтнологов Центрально-Промышленной Области

(в алфавитном порядке).

1. Алихова Анна Епифановна, Палеоантропологическая лаборатория Антропологического Института I М. Г. У.
2. Ассонов Владимир Васильевич, Калужское Общество Истории и Древностей.
3. Бадер Отто Николаевич, Государственный Музей Центрально-Промышленной Области (Москва) и Антропологический Институт I М. Г. У.
4. Басова Евгения Николаевна, Государственный Исторический Музей (Москва) и Ржевское Общество Краеведения.
5. Башкиров Алексей Степанович, РАНИОН.
6. Богданов Владимир Владимирович, Государственный Музей Центрально-Промышленной Области (Москва).
7. Бородовский Философ Михайлович, Бельское (Смол. губ.) Общество Краеведения.
8. Брюсов Александр Яковлевич, Государственный Исторический Музей (Москва).
9. Виноградов Иван Александрович, Государственный Тверской Областной Музей.
10. Воеводская Екатерина Теофиловна, Центральный Музей Народо-ведения (Москва).
11. Воеводский Михаил Вацлавович, Антропологический, имени Д. Н. Анучина, Институт I М. Г. У.
12. Городцов Василий Алексеевич, Государственный Исторический Музей (Москва), РАНИОН и Археологический под'отдел Главнауки.
13. Горюнова Екатерина Ивановна, Центральный Музей Народо-ведения (Москва).
14. Данилин Андрей Григорьевич, Государственный Музей Центрально-Промышленной Области (Москва).
15. Деев Сергей Сергеевич, Брянский Государственный Музей.
16. Дмитриевская Ангелина Васильевна, Государственный Исторический Музей (Москва).
17. Дорогутин Николай Алексеевич, Государственный Музей Центрально-Промышленной Области (Москва).
18. Дружинин Михаил Андреевич, Общество по Изучению Тульского Края и Тульский Губплан.
19. Евтюхова Лидия Алексеевна, Государственный Исторический Музей (Москва).
20. Жуков Борис Сергеевич, Антропологический имени Д. Н. Анучина Институт I. М. Г. У., Госуд. Музей Центр. Пром. Области и Нижегородский Историко-Бытовой Музей.
21. Збруева Анна Васильевна, Государственный Исторический Музей (Москва).
22. Иванов Алексей Иванович, Государственный Владимирский Областной Музей.

23. Кивокурцев Николай Петрович, Государственный Музей Изящных Искусств (Москва).
24. Китицына Лидия Сергеевна, Костромское Научное Общество.
25. Куфтин Борис Алексеевич, Антропологический имени Д. Н. Анучина Институт I М. Г. У. и Госуд. Музей Центр.-Пром. Области.
26. Лебедева Наталия Ивановна, Центральный Музей Народоведения (Москва) и Госуд. Музей Центр.-Пром. Области.
27. Левин Максим Григорьевич, Антропологический имени Д. Н. Анучина Институт I М. Г. У.
28. Лявданский Александр Николаевич, Государственный Смоленский Областной Музей.
29. Мансуров Алексей Алексеевич, Государственный Рязанский Областной Музей.
30. Маслова Галина Семеновна, Государственный Музей Центрально-Промышленной Области (Москва).
31. Матвеев Сергей Григорьевич, Археологический под'отдел Главнауки.
32. Милонов Николай Петрович, Скопинское (Рязанской губ.) Общество Краеведения.
33. Невтонова Елена Александровна, Государственный Музей Центрально-Промышленной Области (Москва).
34. Нечаева Антонина Николаевна, Тульский Губмузей.
35. Павловская Вера Петровна, Государственный Музей Центрально-Промышленной Области (Москва).
36. Первухин Нил Григорьевич, Государственный Ярославский Областной Музей.
37. Рышковская Л., Культ-Отдел М. Г. С. П. С.
38. Смирнов Алексей Петрович, Государственный Исторический Музей (Москва).
39. Смирнов Василий Иванович, Костромское Научное Общество и Государственный Костромской Областной Музей.
40. Спицын Александр Андреевич, Государственная Академия Истории Материальной Культуры (Ленинград) и Центральное Бюро Краеведения.
41. Талицкий М., Государственный Ростовский (Ярославской губ.) Музей.
42. Толстов Сергей Павлович, Палеоантропологическая лаборатория Антропологического Института I М. Г. У.
43. Ушаков Дмитрий Алексеевич, Государственный Ростовский (Ярославской губ.) Музей.
44. Цветаев Алексей Петрович, Арзамас Нижегородской губ., Педтехникум.
45. Эдинг Дмитрий Николаевич, Государственный Исторический Музей (Москва) и Государственный Ростовский (Ярославской губ.) Музей.

СОДЕРЖАНИЕ.

	Стр.
От Государственного Музея Центрально-Промышленной Области	3
Повестка 1-го Совещания палеоэтнологов Ц.-П. О.	5
О. Н. Бадер. О палеоэтнологических обследованиях и о составлении районных каталогов памятников	6
Б. С. Жуков. Из методологии изучения культур стоянок и городищ	13
Б. А. Куфтин. О методе изучения преемственности погребенных и современных племенных культур	19
А. Н. Нечаева и М. А. Дружинин. Археологические исследования Тульской губернии.	24
В. В. Ассонов. О состоянии палеоэтнологической изученности Калужской губернии	29
С. С. Деев. Археологические памятники Брянской губернии	31
А. Н. Лявданский. Археологические памятники Смоленской губернии	35
Ф. М. Бородавский. Об археологических памятниках Бельского уезда Смоленской губернии	39
И. А. Виноградов. Тверская губерния в палеоэтнологическом отношении	41
Е. Н. Басова. Каменный период под городом Ржевом Тверской губернии	43
А. А. Мансуров. Археологические исследования в Рязанской губернии	44
Б. А. Куфтин. Новая культура бронзовой поры в бассейне р. Оки на озере Подборном близ г. Касимова Рязанской губернии	45
Н. П. Милонов. Археологические исследования в Скопинском уезде Рязанской губернии	49
Н. Г. Первухин. Ярославская губерния в палеоэтнологическом отношении	52
Д. Н. Эдинг. Раскопки Сарского городища Ростовского уезда Ярославской губернии	53
Д. Н. Эдинг. Археологические раскопки в Ростовском уезде Ярославской губернии за последние годы	55
А. Я. Брюсов. О раскопках в Чухломском уезде Костромской губернии летом 1925 года	56
А. И. Иванов. Краткий обзор археологических исследований во Владимирской губернии за последние десятилетия	59
Б. С. Жуков. Палеоэтнологические работы Нижегородских научных учреждений	65
А. Я. Брюсов. Справка о раскопках, произведенных в 1924—25 г.г. в пределах Ц.-П. О. одной из групп Московских археологов	66
Б. С. Жуков. Палеоэтнологическая деятельность Антропологического Института 1-го М. Г. У.	67
О. Н. Бадер. Краткая информация о палеоэтнологических полевых исследованиях Государственного Музея Центрально-Промышленной Области (Москва)	69
Протоколы заседаний 1-го Совещания палеоэтнологов Ц.-П. О.	74
Список участников Совещания	88

Издания Государственного Музея Центрально-Промышленной Области.

1. Труды Государственного Музея Центрально-Промышленной Области. Выпуск 1. **К. А. Воробьев**—„Орнитологические исследования в Московской губернии“, М. 1925. Ц. 50 коп.
2. Труды Государственного Музея Центрально-Промышленной Области. Выпуск 2. **А. Н. Формозов**—„Об орешниковой соне (*Muscardinus Avellanarius* L.) в Нижегородской губернии“, с 4 рис. автора. М. 1925. Ц. 40 коп.
3. Труды Государственного Музея Центрально-Промышленной Области. Выпуск 3. **Б. А. Куфтин**—„Материальная культура русской мещеры“, ч. 1. (Женская одежда: рубаха, понева, сарафан), с 37 рис. 10 таблицами, 1 картой. М. 1926. Ц. 2 руб. -
4. Труды Государственного Музея Центрально-Промышленной Области. Выпуск 4. **П. А. Смирнов**—„Редкие и критические растения Московской губернии“. М. 1927. Ц. 60 коп.

Печатаются:

1. „Вопросы этнологии Центрально-Промышленной Области (1-е Сoвещание Этнологов Центрально-Промышленной Области, созванное Государственным Музеем Центрально-Промышленной Области, 29—30 марта 1926 года)“, под редакцией **В. В. Богданова** и **С. П. Толстова**.
2. „Материалы к изучению флоры и фауны Центрально-Промышленной Области (1-е Сoвещание биологов Центрально-Промышленной Области, созванное Государственным Музеем Центрально-Промышленной Области, 31 марта—1 апреля 1926 года)“, под редакцией **Н. В. Шибанова**.

Готовятся к печати:

1. **Б. С. Жуков** и **О. Н. Бадер**—„Поздняковская культура Муромского уезда, Владимирской губернии“.
2. **Б. А. Куфтин**—„Материальная культура русской мещеры“, ч. 2. (женский костюм: наверхник, шушпан. Головной женский убор, Обувь, ч. 3. (Мужской костюм, мужская и женская верхняя одежда).
3. **К. А. Воробьев**—„Зоологические исследования в северной части Костромской губернии“.
4. **Л. Г. Капланов** и **В. В. Раевский** — „Заметки о млекопитающих Центрально-Промышленной Области“.